

Татъяна
ТРОНИНА

Милая, хорошая

*истории
любви*

Татьяна Трoнина
Милая, хорошая

«ЭКСМО»

2008

Трoнина Т. М.

Милая, хорошая / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2008

Сердце Алёны было разбито. Почему мужчины так поступают с ней? Первый возлюбленный в угоду своей маме отказался от неё, муж ушёл к лучшей подруге... Алёна жила как во сне, пообещав себе больше не заводить романов. Однако, по иронии судьбы, однажды на пороге её квартиры оказался мужчина по имени... Роман. Он когда-то жил здесь—и накануне Нового года решил навестить старый дом. Роман с Романом принёс радость и счастье—о таком лёгком, светлом и любящем мужчине можно было только мечтать! Но... Оказывается, он – Синяя Борода. Год назад его жена покончила с собой. И, по сведениям доброжелательницы, именно супруг довёл её до этого. Неужели Алёну ждёт та же участь?..

© Трoнина Т. М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Тронина

Милая, хорошая

* * *

Декабрьские ранние сумерки только начинались, медленно окрашивая снег оттенками лилового и фиолетового. Было начало четвертого, но в этот час в парке стояла абсолютная, мертвая тишина – ни людских голосов, ни шуршания ветра в замерзших черных ветвях, ни резких вороньих воплей. словно сама природа замерла на вздохе...

Жидким молочным блеском переливался лед, впитывая в себя росчерки коньков, оставшиеся от любителей фигурного катания, и лишь у края пруда чернел узкий прямоугольник воды, отгороженный пластмассовыми передвижными перилами. Над водой едва заметно курился парок, и сонно дрейфовали по краям полыньи утки, оставшиеся на зиму.

Над противоположным берегом возвышался пряничным домиком двухэтажный ресторан с высокими круглыми окнами, и золотое сияние мягко лилось из них на снег, усиливаясь с наступающими сумерками. Изредка в окнах мелькали тени – в этот час, затерявшийся между бизнес-ланчем и ужином, посетителей почти не было.

Вокруг пруда были аллеи, которые никто не собирался расчищать, и на снегу вились сложные узоры разнообразных следов и следков, временами смазанные полозьями санок.

Стояли и массивные лавки, утопленные в сугробы, – они были хороши для лета, сейчас же сидеть на них было невозможно.

Над полыньей с утками возвышалась обычная деревянная скамейка – вот на ней-то и сидел единственный посетитель парка.

Это был мужчина лет сорока в черном распахнутом пальто и ко всему прочему без головного убора, отчего уже заметная седина в его темных волосах вступала в молчаливый диалог со снежным пейзажем.

Правда, мороз был совсем небольшой, да и ни единого намека на ветер, так что окоченеть мужчина не мог, тем более что сидел на этой скамейке от силы полчаса.

Засунув руки в карманы, он смотрел на уток, плавающих в черной воде, – тем самым неподвижным, безучастным взглядом, который выдает глубокую задумчивость, полное отсутствие здесь и сейчас.

О чем уж думал этот странный посетитель парка – бог весть, его лицо не выражало ни радости, ни печали, ни озабоченной тревоги... Оно скорее напоминало маску.

Самым интересным было то, что мужчина появлялся здесь каждые выходные, в субботу или воскресенье (чаще в субботу, вот как сейчас), перед самыми сумерками.

Он садился на эту самую скамейку и в полной неподвижности сидел так минут сорок, глядя в никуда – вряд ли можно было заподозрить солидного господина в том, что он являлся сюда для того, чтобы специально глазеть на уток.

Свидетельством несомненной солидности незнакомца было его дорогое пальто, явно из кашемира, – того изящного и вместе с тем строгого кроя, которым отличаются изделия итальянской мужской моды, и то, что он совершенно не дорожил им. Человек победнее не стал бы сидеть на парковой скамейке в подобном пальто, он бы непременно постелил газетку или вовсе не стал бы садиться.

Во-вторых, из-под распахнутого пальто виднелся строгий темный костюм, который отличался теми же высокими характеристиками. Светлая рубашка, галстук, кашне, ботинки... Один раз Алена видела, как из рукава пальто мягко и многозначительно блеснуло что-то – явно запонка. Редко кто нынче пользуется запонками...

Словом, изучая издали подобные мелочи в старенький театральный бинокль, Алена сделала твердый вывод, что незнакомец принадлежит к руководящему составу. Это как офисная мебель в магазине – на ярлычках обычно указывается, для кого она предназначена, для руководителей или для обычного персонала. Так вот, данный объект незримо носил на себе ярлычок «руководителя».

Потом, опять же, стрижка... Всегда идеальная, всегда безукоризненная – волосок к волоску. Даже седина на висках выглядела как-то предсказуемо и логично, словно иначе и быть не могло.

И зачем такому господину понадобилось таскаться в этот парк, с какой такой целью он таранился на глупых уток в полынье?... Всегда один, всегда безупречный, всегда с одним и тем же неподвижным выражением лица... Словом, Алена терялась в догадках.

Заинтересовалась загадочным незнакомцем она в ноябре, когда опала вся листва и пространство перед прудом стало хорошо просматриваться. Именно тогда Алена обнаружила Его и ту регулярность, с которой Он появляется здесь.

Возможно, Он приходил в парк и раньше – но этого Алена уж не могла знать точно.

Хотя бы потому, что сама переехала в эту квартиру в начале апреля. Квартира была съемной и стоила довольно дорого – одним из доводов хозяина было то, что из окна открывается дивный вид на парк. А хороший вид нынче, как известно, уже стал платной категорией...

Алена перед этим доводом сдалась, тем более что до того она успела пожить в хрущевке с видом на китайское общежитие. Вид из окна привлек ее чрезвычайно, ну как же – пруд, парк, небо!

Она переехала в эту квартиру, как уже говорилось, в начале апреля, когда только-только начали набухать почки на деревьях, когда по утрам стояла сиреневая дымка над темной водой и в раскрытую форточку лился свежий воздух, не отравленный выхлопными газами (трасса проходила далеко, с другой стороны дома, машин было не видно и не слышно).

А через неделю парк перегородили высокими деревянными щитами, окрашенными в синий цвет, в пруду спустили воду, зарычали экскаваторы и прочая техника, отравляя воздух дизельным чадом, звук забиваемых свай заглушил щебет птиц.

Это был полный кошмар, тем более что среди жильцов дома стали распространяться мрачные слухи о том, что вместо парка у них теперь будет паркинг и построят элитный дом, который перегородит все перед окнами.

Алена предъявила претензии своему квартиросдателю – и тот, повздыхав сокрушенно, согласился снизить квартирную плату. Ее это мало утешило, она даже стала подыскивать новое жилье, но потом странная апатия внезапно охватила ее.

Потому что ей вдруг стало все равно – где и как она живет, каким воздухом дышит и какой у нее вид за окном.

Странное ощущение, когда разом лишаешься всех чувств и когда цвета, запахи и звуки перестают замечаться, когда ничего не хочешь и даже рассердиться как следует тоже не можешь.

Впрочем, в этом состоянии была своя прелесть – теперь мало что трогало Алену, и даже новая работа, прежде казавшаяся ненужной и смешной, теперь стала устраивать ее.

Возможно, это ее состояние началось гораздо раньше, чуть больше года назад, когда она развелась с Алешей и переехала в ту самую «хрущобу» по соседству с китайским общежитием.

Одновременно с разводом она бросила исполнительскую деятельность и ушла в «Синематеку» – ресторан неподалеку от «Баррикадной», специализирующийся на русской кухне, с собственной пивоварней и тем известный среди гурманов.

Все ее знакомые были в шоке, родители слали негодующие телеграммы, а близкая подруга Серафима даже плакала: «Аленушка, ты же консерваторка, ты в концертных залах

выступала, а теперь ты кто?..» «Теперь она – тапер! – язвительно восклицала Люба, другая близкая подруга. – Кому и чего ты хочешь доказать, Елена Петровна, а?..»

Но Алена только плечами в ответ пожимала.

Она, действительно окончившая гонсерваторию и выступавшая с фортепианными концертами по всей стране, ушла в ресторан и «играла перед пьяной публикой» (выражение Симы).

От прежней жизни остался только старинный рояль «Шредер» и афиши, упоминающие о том, что там-то и в такое-то время «состоится сольные выступления пианистки Елены Лозинской, в программе – Шопен, Лист, Брамс и т. д.».

Ресторатор Иван Халатов, владелец «Синематеки», сразу же взял ее к себе, хотя сразу же и предупредил: он немного сомневается в том, что у Алены что-то получится – «потому что, вы сами же понимаете, Елена Петровна, это совсем другой уровень! Я не собираюсь рассуждать о высоком искусстве, но перед музыкантом, выступающим в ресторане, стоят совершенно иные задачи!». Но уж очень хотелось Халатову заполнить в свое заведение настоящую музыкантшу именно такого высокого уровня...

Впрочем, задачи оказались Алене по плечу – на полутемной сцене она сидела за роялем и импровизировала, пока в глубине, на небольшом экране, шел черно-белый немой фильм с дрожащими титрами (недаром ресторан назывался «Синематека»). Импровизировала Алена довольно лихо и всегда к месту, умудряясь очень забавно и точно с помощью музыки подчеркнуть происходящее на экране, так что Халатов весьма скоро перестал беспокоиться, что она отобьет аппетит у жующей публики своей классической манерой.

На собственную квартиру Алена так и не смогла скопить денег, вечно скиталась по чужим углам и лишь те четыре года, когда она была Алешиной женой, провела в «своем» доме – до того самого дня, пока муж не сказал Алене, что больше не хочет жить с ней. Почему не хочет, отчего – она выяснять не стала, съехала сразу же, захватив с собой свой верный «Шредер».

На квадратные метры мужа Алена, «гордая идиотка» (выражение исходящей слезами сочувствия Симы), претендовать не стала.

Ха-ха, знала бы о всей этой истории Калерия Львовна Бугрова, мама Бориса – первой Алениной любви! Калерия Львовна ненавидела Алenu и ежедневно твердила Борису о том, что «этой нахалке нужна московская прописка, а вовсе не ты, дурак». Или – «она тебя на себе женит, а потом твою жилплощадь захапает!».

Алена была родом из крохотного городишки под Тулой, там до сих пор жили ее родители. В городке было скучно и тоскливо – как в смертный час. Сколько Алена себя помнила, она всегда мечтала жить в Москве. Только, разумеется, не с помощью брачной аферы! Она училась, потом ездила с концертами в надежде скопить денег – но, к сожалению, цены на недвижимость в столице росли быстрее, чем ее гонорары.

Работа в ресторане не отнимала много сил – всего лишь три дня в неделю, вечером. Пятница, суббота, воскресенье. Четыре дня отдыха. Потом снова – пятница, суббота, воскресенье...

...Все лето за окном гудела строительная техника.

Потом, в сентябре, ко Дню города, синие щиты сняли, и неожиданно оказалось, что никаких особых разрушений парк не претерпел. Пруд почистили и облагородили, уложили дорожки камнем, поставили везде оградок и урн футуристической конструкции, там и сям расположили фонари, повесили на них кашпо с вьющимися цветочками, привезли особенные лавки, которые даже слон с места не смог бы сдвинуть (дабы охочие до чужой собственности дачники не утащили их). Венчал всю эту красоту веселый двухэтажный домик над прудом, который на деле оказался никаким не элитным жильем, а обыкновенным рестораном – собственно, всю эту красоту вокруг навели его владельцы. Ходили, правда, слухи, что они не имели права его

тут строить, но на радостях от того, что островок зелени не стали превращать в автостоянку, никто особо возмущаться не стал.

Ко всему прочему поставили возле пруда небольшую будку, а в нее посадили охранника, который наблюдал за порядком и гонял компании любителей пива, – тут уж последние скептики замолчали...

Алена специально ходила к администратору нового ресторана, с тем чтобы узнать – не требуется ли им тапер (кто не мечтает, чтобы от дома до работы – всего пять минут пешком!). Тапер им был нужен, но платить обещали много меньше, чем Алена получала у Халатова. В общем, она почти согласилась на их условия, но тут неожиданно примчался коварный владелец квартиры и вновь потребовал доплаты «за прекрасный вид из окна». Пришлось Алене остаться в «Синематеке».

И вот, как уже упоминалось, Алена с ноября стала наблюдать за своим незнакомцем в парке. Сначала от нечего делать, а потом увлеклась и даже позволила себе разглядывать его стриженный затылок (обычно он сидел спиной к Алениным окнам или вполоборота) в театральный бинокль. Правда, бинокль был плоховат и показывал лишь немногим лучше, чем можно было разглядеть невооруженным глазом...

Тем не менее Алена сумела достаточно хорошо изучить проходящего в парк мужчину – для того, чтобы сделать кое-какие выводы о Нем. И не то чтобы Он ей особенно нравился, и не то чтобы она, одинокая женщина, мечтала о новом знакомстве... Вовсе нет. Ее притягивала тайна, неразгаданность ситуации. Ее даже не волновало, кто Он, Алена искала всего лишь зацепку, которая помогла бы разгадать эту тайну.

Она стояла у окна и сосредоточенно крутила колесико бинокля – силуэт незнакомца уже стал теряться в сумерках.

– Ишь ты... – сурово прошептала она. – И как он только не мерзнет?..

Словно в ответ ей мигнули и вспыхнули фонари вокруг замерзшего пруда. В то же самое время мужчина встал и решительным шагом направился к той дорожке, которая вела к оживленной улице.

Почти одновременно на лед выскочили стайкой любители фигурного катания, потом на аллее появились мамы с колясками и старуха из соседнего подъезда, которая выгуливала дряхлую таксу, вечно застревавшую в снегу.

С Его уходом все словно пришло в движение, заиграло огнями, закружилось... Даже утки в полынье как будто стали плавать быстрее.

Половина пятого.

К восьми она должна быть в «Синематеке».

Раньше перед концертными выступлениями Алена непременно проигрывала самые трудные моменты своей программы. Она и теперь не изменила своим правилам, зная, что без разминки играть перед публикой будет трудно – и не важно, слушают ее или жуют...

Алена любила упражнения Брамса – за то, что были красивы и очень хорошо придуманы. Они представляли собой что-то вроде гигантских шагов пальцами по всей клавиатуре – специфическая разновидность фортепианной техники.

Формальных гамм она терпеть не могла. После Брамса взяла тему из Гайдна и проиграла ее сначала в медленном темпе, громко, затем сделала все то же самое легко и быстро – во всех разновидностях, вплоть до хроматических, и еще арпеджио...

На этом закончила разминку и отправилась на кухню – пить чай.

Кухня здесь была роскошная, поскольку от прежних хозяев осталась вся встроенная техника. Плита с особенными конфорками, очень удобные выдвижные ящички, микроволновка, гриль, вместительный холодильник, даже посудомоечная машина, которой Алена пользовалась

всего несколько раз, когда к ней заходили гости. А так... Одну чашку можно сполоснуть и руками. Но жук – квартирный хозяин – все равно требовал за весь этот комфорт лишних денег.

Алена знала, что было у жука (а был тот черным, низеньким, круглым – и в самом деле жук!) еще несколько квартир, которые он сдавал.

Данную жилплощадь он приобрел год назад – прежние хозяева съехали – и сразу же заселил в нее Алену, купившись на ее концертное прошлое. Он считал себя меломаном и в каждый свой приход за ежемесячным взносом долго и подробно рассуждал на музыкальные темы – почему, например, он итальянской опере предпочитает немецкую...

Иногда Алена натыкалась на вещи, оставленные прежними хозяевами. Нашла, например, множество детективов, спрятанных в самых неожиданных местах, даже за батареями, и честно их все прочитала, получив немалое удовольствие. Раньше у нее не было времени на это. Обнаружила в одном из ящичков коробочку с засохшим индийским шербетом. Кожаную ключницу без ключей. Под ванной – скомканную футболку с надписью «I want to believe»...

Однажды Алена спросила жука, кто здесь жил раньше. Но тот ответил, что не знает. Квартиру он покупал через агентство, а там подобные сведения не принято разглашать...

Она допила чай и быстро оделась – джинсы, свитер, короткая дубленка с капюшоном.

Час пик в метро только начинался, но, к ее счастью, вагон в центр был относительно пуст, потому что вечером толпа обычно валила из центра на окраины.

Обычно дорога занимала у нее около часа.

Алена ехала и тайком рассматривала людей, придумывая о каждом, кто цеплял ее внимание, свою историю. Попадали эти фантазии в точку или нет – неизвестно... Вот эта девушка, например, поссорилась со своим молодым человеком. Разговаривает с подружкой, а сама отводит несчастные глаза и время от времени покусывает нижнюю губу. Вон тот дядька в пыжиковой шапке – женат, и причем женат давно. У него взрослые дети. В семье он царь и бог. Вокруг него домашние водят хороводы, а жена умиленно сдувает с него каждую пылинку – такой он весь чистый, отмытый, ухоженный и лоснящийся. Только он, гад, всего этого не ценит, потому что в данный момент весьма недвусмысленно тарашится на Алену, перекладывая из одной руки в другую хороший кожаный портфель... Ну да, специально ловит ее взгляд, чтобы познакомиться!

Алена презрительно фыркнула и отвернулась к вагонному стеклу, всем своим видом показывая, что знакомиться ни с кем не собирается.

Потом поймала себя на мысли – раньше она ничем подобным не занималась. Не читала детективов, не стояла часами у окна, не придумывала истории о прохожих. Она была другой, а теперь словно погружалась в мир фантазий, удаляясь от мира реального. Все то, что окружало ее, медленно теряло смысл – Алена даже решила, что постепенно превращается в призрак, растворяется в воздухе, перестает быть *живой*... Сейчас ее еще замечают, а потом – все, никто не повернет голову в ее сторону.

...Она поздоровалась с охранником и быстро, прямо через зал, прошла в гримерку. Там переделалась – темно-синее длинное платье, черные лодочки.

Стоя перед зеркалом, заколола свои темные, довольно длинные волосы вверх – в строгий пучок, аккуратно закрепила на макушке микроскопическую шляпку с вуалью в мушках, которая слегка прикрывала лоб. Потом нанесла тон на лицо – густо-белый, неестественный. Темно-вишневая помада, густые тени у глаз... Девушка в стиле декаданса – именно такого имиджа требовал от нее Халатов.

Вышла на сцену – и сразу почувствовала всей кожей оживление в зале. На экране сбоку задрожали титры – «Роковая любовь». Киностудия Ханжонкова, дата... Господи, сто лет с тех пор прошло!

Поглядывая искоса на экран, Алена заиграла бравурную, игривую мелодию – поскольку первые кадры начинались с праздника.

В полутемном зале ресторана стоял непрерывный гул – люди разговаривали, гремели тарелками, сновали между столиками официанты... Это была полностью идея Халатова – показывать старые фильмы, имитируя атмосферу начала двадцатого века. Времена Гиляровского и купеческого разгула, всеобщего обжорства и утонченного эстетства. Интерьер с самоварами, бочонки с пивом, меню, напечатанное в дореволюционной орфографии...

За ближайшими к сцене столиками уже смотрели на экран. Посмеивались, комментировали сюжет и чрезмерные старания актеров, давным-давно умерших. Алена тоже старалась играть с некоторой чрезмерностью, и музыка, выходящая из-под ее пальцев, полностью соответствовала страстям столетней давности. Это оказалось даже забавно...

Фильмы были короткими – один сменял другой, и после каждого ей хлопали.

К десяти публика уже разгорячилась, голоса и смех стали громче. Это была так называемая *приличная* публика – и тем заведение Халатова ценилось. Сюда в основном ходили парами, иногда устраивали корпоративные вечеринки, любили заглядывать иностранцы, и, разумеется, никто не кидал на сцену денег с требованием «сбавать „Мурку“».

В начале одиннадцатого Алена ушла со сцены, и ее место заняли другие музыканты – это было то самое время, когда публика хотела плясать. Небольшой цыганский ансамбль лихо заиграл кадрили, и задвигались стулья в зале – на пяточок перед сценой выскочило сразу несколько желающих размяться – компания менеджеров среднего звена (как определила Алена из-за кулис). Все в ресторанной науке было рассчитано – и время есть, и время слушать, и время плясать, чтобы затем вновь есть, есть, есть...

Она уже переделалась, как вдруг в гримерку постучались.

– Да! – крикнула Алена.

– Привет... – В открытую щель протиснулась лохматая черная голова – это был Коля Жданько, официант. Его почему-то все звали Николая – на французский манер. – Тебя Иван Родионович к себе просит.

– Где он?

– Все там же, на втором этаже...

Алена поднялась вверх по узкой лестнице – там, на балкончике, был кабинет Халатова. Он любил наблюдать за происходящим в зале.

– Добрый вечер, Иван Родионович.

– Садись, Алена... – Халатов подвинул ей стул. – Вот, перекуси чем бог послал...

Иван Родионович Халатов был человеком известным – главным образом потому, что очень усердно пропагандировал русскую кухню. Выступал на всяческих ток-шоу, давал интервью глянцевым журналам, читал лекции на радио...

– Попробуй, это поросенок с кашей. Водочки?

Халатову было сильно за пятьдесят. Весь седой, даже брови были седыми и ресницы, а глаза – странно яркие, блестящие, словно вишни. Полным он не был, несмотря на свою страсть к еде, – так, небольшое брюшко, вполне допустимое и даже нужное для человека его специальности...

– Я не люблю водку, – сказала Алена.

– Серьезно? – поразился Халатов. – Нет, Алена, никто не заставляет тебя напиваться, но рюмочка перед едой не помешала бы. Хотя некоторые из знатоков кулинарии утверждают, что надо пить ее после, а не до – якобы алкоголь снижает чувствительность вкусовых рецепторов... Я тебе, к слову сказать, особой водки предлагаю!

– Ну хорошо, Иван Родионович, – сказала Алена, зная, что от Халатова не так просто отвяжаться.

– Этот продукт, вот который я сейчас тебе наливаю, получил, между прочим, самую престижную награду Национальной алкогольной ассоциации...

– Что, есть такая ассоциация? – удивилась Алена и из вежливости поднесла к губам пузатую стопку. Отпила чуть-чуть – водка как водка.

– А как же! Чувствуешь? Это настой свежего огурца и арбуза – после них такое послевкусие... ммм!

– Ну да. Крепкая какая...

– Ничего ты не чувствуешь! – искренне расстроился Халатов. – Это ж такой напиток... В настоящей водке, заметь, должно быть ровно сорок градусов – это еще Менделеев доказал, наш гениальный ученый. Он догадался, что при соединении спирта с водой происходит контракция, то бишь сжатие всей смеси. Попробуй-ка добавить в литр спирта литр воды! Думаешь, получишь два? Как бы не так! Менделеев доказал – надо не объемы соединять, а точно взвешивать спирт. Потому что вес литра воды – тысяча грамм, а литра чистого спирта – семьсот девяносто пять. И поэтому литр сорокаградусной водки должен весить ровно девятьсот пятьдесят граммов. Недольешь два грамма – крепость водно-спиртовой смеси будет уже сорок один градус, перельешь грамм – уже тридцать девять градусов. Наука!

Алена ничего не поняла, но тем не менее многозначительно кивнула головой. Поросенок с кашей показался ей немного жирноватым.

– А не хочешь похлебки грибной? Я недавно ездил в один монастырь под Суздаль и там нашел замечательный рецепт, – не унимался Халатов. – Вот все, например, помешались на этих супах-пюре... Французский суп-пюре! – передразнил он дурашливым голосом. – А на Руси, между прочим, издавна существовали протертые похлебки. Их делали на основе бульонов – мясных, грибных, рыбных, овощных... На молоке и хлебном квасе! Я так думаю, что французики у нас рецепт передрали.

В кабинет зашел Николая, поставил на стол большое блюдо.

– Все, иди, мы сами справимся, – прогнал его Халатов. – Попробуй кулебяки, Алена. А что ты думаешь о курниках, а?

Из разрезанной кулебяки повалил пар, и запахло мясом, сладковатым душиком запеченного лука.

Алена о курниках ничего не думала, но тем не менее сказала:

– Вообще курицу я люблю...

– Умница! – расцвел Халатов. – Но для твоего сведения, курник – это пирог, пирог из курицы и блинов. Его раньше готовили к свадебному столу и считали символом семейного благополучия. Жалко, что ты уже замужем, а то я к твоей свадьбе велел бы курник приготовить. А делается он очень просто...

Недаром Халатова любили приглашать на телевидение – он со вкусом, подробно стал пересказывать рецепт курника, но Алена слушала его вполуха. Ее задели последние слова Халатова – он думал, что она замужем. Ну да, официально они с Алешей еще не развелись... Она с досадой посмотрела на кусок дымящейся кулебяки, который положил перед ней Халатов. И вообще, какого черта он ее к себе вызвал?!

– ...это многослойный пирог, и в нем присутствуют три или даже четыре вида фарша. Но главный, конечно, куриный. Можно также использовать индюшатику, рис с яйцами, грибы... И обязательно в каждый слой добавлять зелень петрушки и укропа!..

Она не пила водки. Она не ела жирной пищи. Она, сколько себя помнила, ненавидела разваренный лук и прилипающую к небу петрушку. И она никогда не ела в таких диких количествах, ее желудок был просто не приспособлен к этому!

Тем временем Халатов от курника плавно перешел к десерту. Теперь он рассказывал Алене о том, что такое настоящий русский сбитень и из чего он делается.

– ...воду или слабое пиво кипятили с медом, сахаром, патокой, соками, пряностями, причем, заметь, в северных губерниях были распространены крепкие горячие сбитни, а в южных – более слабые, с различными специями...

Снизу, от сцены, уже слышался залихватский визг и топот, почти заглушающий пение цыганских скрипок, – впечатление было такое, что весь зал пошел в пляс.

– Ну разумеется...

– Да ты меня не слушаешь! – строго закричал Халатов. – Ты чего такая кислая, а?

У Алены не было никакого представления о том, как надо разговаривать с работодателями.

– Иван Родионович, вы на меня не обидитесь? – честно спросила она.

– Нет, а что? – заморгал своими блестящими, вишневыми глазами Халатов.

– Я, наверное, не совсем нормальный человек, Иван Родионович, – сказала Алена спокойно.

– Ну? – Он машинально схватил соленый огурец и захрустел им.

– Мне абсолютно наплевать на еду. То есть абсолютно – это слишком сильное слово...

Скажем так – мне почти все равно.

– Как так? – ужаснулся Халатов.

– Я еду воспринимаю только как средство насыщения, ну и как источник кое-каких витаминов. Поем немного того, что считается не слишком вредным, – и все, больше мне ничего не надо, – серьезно призналась она. – Да вы не пугайтесь так, Иван Родионович, – гамбургерами на бегу я тоже не перекусываю...

– Все равно, тяжелый случай! – Глаза у Халатова заблестели еще ярче, словно на них набежали слезы. – Она не любит есть! Не чувствует оттенков вкуса, даже аромата... – Он открыл крышку у одного из судков на столе и белой мягкой ладонью помахал в сторону Алены, словно подгоняя к ее носу запах готового блюда. – ...Аромата семужки, запеченной с овощами?!

– Да чувствую я! – пожала плечами Алена. – Пахнет вкусно. Ну и что?

Халатов на некоторое время потерял дар речи.

Он был милый большой ребенок (относительный ребенок, конечно, поскольку вел ресторанные дела очень умело и рекламировал свое заведение тоже хорошо), и надо было Ивану Родионовичу всего ничего – чтобы ему немножко подыграли. Но лицемерить Алене не хотелось – и вовсе не потому, что была она такой уж правдивой особой... Просто ей было уже действительно все равно.

– И давно это с тобой? – наконец смог он осторожно произнести.

– Не знаю, – снова пожала она плечами. – Не обращала внимания. Хотя, может быть, и недавно...

– Так это депрессия! Типичная депрессия! – закричал Халатов. – Господи, как же я сразу-то не понял тебя, наша Снежная Королева... Сейчас же зима, декабрь, солнца почти нет – конечно, откуда ему взяться, аппетиту-то?..

– Да нет у меня никакой депрессии! – засмеялась она. – Наоборот, я в последнее время чувствую себя такой спокойной... Я ничего не хочу. Тем и довольна, между прочим...

– Очень плохо... – расстроено покачал головой Иван Родионович. – Когда человек спокоен и ничего ему не надо – это хуже всякой тоски, потому что тоска, по крайней мере, говорит о его неудовлетворенности. А ты же, мое бедное дитя, потеряла главное – радость жизни. Лед на сердце – не лучшая защита.

Он, конечно, немного рисовался, этот любимец публики.

– Возможно, – легко согласилась Алена. Спорить ей было лень. – Надеюсь, на моей работе это не отражается?..

Халатов вытер салфеткой губы.

– Да, о работе... – моментально сменил он тон на более официальный. – Я ведь, душа моя, позвал тебя с тем, чтобы похвалить. Ко мне тут знающие люди подходили и говорили, что пианистка ты превосходная. Просто высший класс.

– Спасибо.

– Эти-то... – Он презрительно глянул вниз, на сцену. – Эти только для ног. Еще вот что...

Халатов полез куда-то под стол, зашуршал. Потом достал журнал, развернул его перед Аленой.

– Вот, читай... Я, между прочим, эту статью не оплачивал, это кто-то от себя.

Алена быстро пробежала глазами по строчкам: «...виртуозная игра...», «...филигранная техника...», «...мастерство импровизации...», «...блестящая игра с публикой...», «...проведете незабываемый вечер...» «...в сочетании с превосходной кухней...».

– Зачем ты с большой сцены ушла, а? – строго спросил Халатов.

– Надоело, вот и ушла.

– Ты ведь еще и умная. Я, в общем, в музыке не особенно разбираюсь, но зато другое понимаю – ты не только для себя играешь, а еще для людей. Тут ведь так и написано, про игру-то с публикой... Чтобы они, значит, не только слушали, а еще есть-пить не забывали! – довольно произнес Халатов. – Вот в чем твое главное достоинство...

Алена молчала, глядя на остывающую перед ней кулебяку.

– Я, конечно, не из тех, кто людям в душу лезет, но ты мне скажи – у тебя что-то случилось? Я ведь помочь могу, если что...

– Ничего не случилось, – скучным голосом сказала Алена. – Наверное, вы правы – я просто потеряла радость жизни. А играю хорошо потому, что учили меня хорошо, а мастерство, как известно, не пропьешь... Хотя я и непьющая.

* * *

Был второй час ночи.

– Ну что? – спросил Николая, тщетно пытаясь поймать попутку. – Чего он тебя вызывал?

– Так... – пожала плечами Алена. – Просто любит Халатов порисоваться. Сегодня, видимо, у него зрителей не было.

– А...

Они с Николаем жили примерно в одном районе и, если получалось, возвращались всегда вместе. Алена – из соображений безопасности, Николай – из экономии, поскольку они скидывались на такси пополам.

– Холодно! – поежилась она. – Господи, куда все машины подевались, а?... Перестань, ты всех водителей распугаешь!

Николай – высокий, тонконогий, с черными длинными волосами до плеч – принялся подпрыгивать у тротуара, выделявая ногами коленца.

– Сама говоришь – холодно... Слушай, Алена, а сколько тебе лет? – обернувшись, вдруг спросил он с интересом.

– Тридцать четыре, – равнодушно ответила она.

– Ого... – присвистнул он.

– А ты думал?

– Я думал – меньше. Мне – двадцать три. Это что же, выходит, ты меня почти на десять лет старше?

– Выходит, так...

Черный асфальт блестел в свете фонарей, небо было затянуто багровыми облаками – страшными, тяжелыми, неподвижными. Алена вспомнила, что скоро Новый год, и не ощутила по этому поводу никакого энтузиазма. Прошлый Новый год она провела на редкость бездарно – съездила к родителям, получила от них нагоняй за то, что ушла из Большой Музыки, потом тридцать первого вернулась в Москву и отправилась в гости к Симе (Люба тогда не пришла, она провела праздник в каком-то другом месте, и судя по всему, весело – даже забыла позво-

нить подружкам, чего с ней раньше не бывало). Выпили с Симой три бутылки шампанского на двоих, но никакого опьянения не почувствовали, лишь на следующий день была изжога.

А перед тем, осенью, она ушла от Алеши... Ну и ладно.

Мимо промчалось еще несколько машин, но ни одна из них не остановилась.

– Надо было такси заранее заказать... – раздраженно произнес Николая. – До чего паршивая работа!

– Или машину купить. А что? Не такие уж это большие деньги... – усмехнулась Алена. – Вон, у моей подруги Серафимы – «Ока».

– Что? – широко раскрыл тот глаза. – «Ока»? Ой, не смеши! На таких машинах только инвалиды ездят!

– А тебе «БМВ» подавай? Ты пижон, Жданько.

– Я не пижон, – дернул тот плечом. – У меня совсем другие взгляды на все это. Я считаю, что если человек не может купить приличную машину, то пусть лучше он вообще ничего не покупает. Это касается всего... Нет настоящих друзей – не дружи с кем попало, нет нормальной, красивой девушки – живи один, а не с каким-то уродливым чучелом. Я максималист.

Алена посмотрела на Николая: бледное, тонкое лицо, огромные темные глаза, широкие брови, чуть приподнятые к вискам, – они напоминали размах крыльев какой-то хищной птицы. У ее спутника была отталкивающая, жестокая красота. «В самом деле, как же я не замечала – у него нет ни девушки, ни друзей!..» – догадалась Алена.

– А твоя работа? – осторожно спросила она. – Она тебя устраивает?

– Нет, что ты, – снисходительно, краешком губ улыбнулся тот. – Я ненавижу эту работу.

– Так зачем же работаешь?

– Потому что выхода нет.

– А учиться? Ты мог бы пойти в институт, потом сделать карьеру – если ты такой честолюбивый...

– Чтобы почувствовать некоторое удовлетворение годам к сорока-пятидесяти? Нет уж, спасибо... Десяток-другой лет унижаться, чтобы потом иметь возможность унижать кого-то, кто моложе тебя? Нет, нет, это все не то... Я хочу все и сразу, как ни банально это звучит.

– Все и сразу? Но откуда? – насмешливо спросила она.

– Оттуда, – сердито ответил Николая. – Вот ты не знаешь, а у меня тетка есть, очень богатая...

– А, поняла – ты ждешь наследства!

– Не вижу ничего смешного в этом, – сурово произнес Николая. – У нее квартира пятикомнатная на Тверской, дача на Николиной Горе, антиквариата как в музее, деньжищ на счете... А я, между прочим, единственный наследник.

– Да-а...

– А тетка старая, ей шестьдесят восемь, и у нее диабет. Она мне по завещанию все уже отписала. Вот я и жду...

Алена представила себя на месте Николая, и ей стало не по себе. Она принципиально не хотела, чтобы умирал кто-то из ее родственников.

– А потом что ты будешь делать? Ну, когда получишь наследство...

– Потом я брошу работу. Стану рантье.

– Так это же скучно!

Николая взял ее за подбородок.

– Какой ты, в сущности, еще ребенок, Алена, – произнес он с сожалением. – А на десять лет старше... Разве тебе не успели надоесть люди?

– Немного. – Она отвернула голову. «Нет, это не люди, это я сама себе надоела!» – тут же решила она.

– Вот, ты понимаешь. Они меня раздражают. Раздражают так, что мне иногда даже дышать становится трудно. – Он без всякого перехода неожиданно взял ее руку, прижал к своим губам. – Пальцы пианистки...

Алене стало немного жутковато – и не потому, что ощутила вдруг разницу в годах, разделявшую их с Николаем. Она словно увидела его насквозь – юного и жестокого, полного беспощадной ненависти ко всему белому свету... Или она ошибалась, снова доверившись своему воображению, – а на самом деле стоял перед ней обычный мальчик, полный юношеского максимализма?..

– У меня самые обычные пальцы, – сурово произнесла она. – И вообще, это миф, что у музыканта должны быть какие-то особенные руки!

– А разве нет?

– Не обязательно, хотя среди широкой публики распространено мнение, что рука пианиста должна иметь тонкие «нервные» пальцы вроде шопеновских... А вот у Антона Рубинштейна была широкая, компактная, мясистая кисть, с почти равными по длине пальцами. Одни знатоки говорят, что у пианиста руки должны быть с длинными плечевыми костями, другие считают такие руки неуклюжими и предпочитают короткие – как более ловкие. Некоторые любят «гибкие» суставы, другие, наоборот, боятся их, а прогибающиеся ногтевые суставы и особенно прогибающийся основной сустав большого пальца считают вообще противопоказанием к пианистской деятельности!

– Надо же... – усмехнулся Николай.

– Но это все ерунда! А главное знаешь что? Главное – это какими свойствами обладает нервно-мышечный аппарат руки – ну, ее иннервация. То есть единство между этим и этим... – Она сначала постучала себя по голове, а потом пошевелила пальцами.

Николай засмеялся почти ласково – наверное, его умилила ее горячность. Он хотел ее поцеловать – за мгновение до того, как Алена почувствовала это движение, она отшатнулась.

– Разве ты считаешь меня достойной себя? – насмешливо спросила она.

Николай вспыхнул:

– Вот уж не думал, что ты такая зануда! – сквозь зубы произнес он. И в этот момент возле них затормозила машина. – Ладно, поехали...

* * *

...Она проснулась поздно, после двенадцати, и сразу выглянула в окно – там, при ясном зимнем свете, на молочном льду катались фигуристы. Под утро выпал снег – и все, даже зонты, было белым, и деревья стояли засыпанные снегом. Картинка была столь красивой, что казалась почти нереальной, словно нарисованной.

От вчерашнего разговора с Николаем остался какой-то осадок, и Алена тут же дала себе слово, что больше никогда не станет с ним возвращаться после работы. Уж лучше одной, чем рядом с этим юнцом, который вечно носит в своей душе кипящий ад. Николай стал неприятен Алене именно поэтому, а вовсе не из-за того, что вздумал вчера флиртовать с ней.

А потом она подумала о том мужчине в парке и искренне пожалела о том, что он был в парке вчера, а не сегодня. «Сегодня так красиво...» Мужчина больше чем один раз за выходные не появлялся. Значит, сегодня его точно не будет...

Она села за свой «Шредер» и пробежала пальцами по клавишам. Звуки – легкие, негромкие, воздушные – словно возникли из воздуха и снова растворились в нем.

«Гм, руки... Ну да, мне с самого детства говорили, что у меня хорошие руки и настоящая фортепианная хватка!»

В семье у Алены никто не занимался музыкой. Ей было восемь, когда родился младший брат Костя и родители, очень занятые тогда, отдали ее в музыкальную школу – чтобы не болталась под ногами.

Но неожиданно учителя нашли у нее способности. Очень скоро она играла виртуозные пьесы с большой легкостью и достаточно близко к авторскому замыслу. «Конечно, не по глубине содержания, а с позиции техники! – гордо утверждала ее учительница, старенькая Нинель Айрапетовна. – Но у девочки все впереди!»

Алена училась с энтузиазмом, не из-под палки – ей на самом деле нравилась музыка, хотя она не всегда понимала, что в ней к чему. Например, она решительно не понимала медленные вещи – и почему они медленные. Исполняя их, она всегда ждала быстрой части, которая ее захватывала, – Алена любила неудержимый темперамент, ажиотаж, азарт!

Позже, когда уже поступила в Московскую консерваторию к известному педагогу, профессору, тот тоже нередко пилил ее: «Все очень хорошо, все очень темпераментно, но где же образы, где сама музыка?»

Алена принялась добросовестно искать эту самую «музыку».

В смысле техники она была действительно сильна, ей давалось то, что не всегда оказывалось под силу ее сокурсникам – и двойные ноты, и сексты, и терции...

У нее выработалось определенное отношение к инструменту, она совершенно по-особенному извлекала звук, знала, какими средствами можно добиться того или иного звучания, и вообще была «большим молодцом» (выражение профессора, ее учителя, который в конце концов добился от нее того, чего хотел).

Она стала выступать с концертами и первое время была вне себя от радости, когда разучивала произведения того или иного автора, – словно горизонт открывался перед ней. Особенно Алена любила Моцарта. Когда играла его, то чувствовала каждую ноту, дышала этой музыкой, прозрачной и веселой. Это была настоящая творческая радость – Алена чувствовала, что она проникает в самые «тайники» автора и совершенно ясно понимает, что он думал, ощущал, хотел выразить своей музыкой...

Перед концертами она, как и все, кому приходилось выступать на публике, волновалась. Переживала на репетициях из-за того, что свет на сцене неправильно поставлен, что акустика в зале недостаточно хороша и у рояля куча недостатков.

Но потом, в день выступления, все проходило. Казалось, даже рояль начинал звучать по-другому, когда рядом слышалось дыхание зала. Нервы подтягивались, руки становились другими, все ощущения были обострены до предела. Между игрой на репетиции в пустом зале и игрой на публике была колоссальная разница – наверное, такая же, какая бывает между нормальным человеком и человеком, которому сделали инъекцию сильного наркотика. Совершенно другое физическое состояние – Алена переставала чувствовать свое тело, его вес, уже не могла ни чихнуть, ни кашлянуть. Если до того она бывала простужена, то во время выступления у нее сам собой проходил насморк, исчезала головная боль – все. Чувствовалось лишь одно – реакция публики.

Зазвонил телефон, и Алена вздрогнула, отходя от этих воспоминаний.

– Привет, сестрица Аленушка! – раздался в трубке знакомый голос. Костя, легок на помине...

– Привет. Как у тебя дела? – обрадовалась она. – Слушай, ты давно звонил родителям? Я тут недавно разговаривала с мамой, и она...

– Потом, потом! – нетерпеливо перебил ее Костя. – Мне сейчас не до лирики... Я по делу.

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось, я просто денег у тебя хотел занять. Сколько можешь дать?

– Ну, не знаю... – неуверенно ответила она. – А сколько надо?

– Сколько не жалко! – захохотал он. – Понимаешь, мы с друзьями домик один хотим снять в Подмоскovie, чтобы, значит, новогоднюю ночь там провести, а это бешеных бабок стоит. Мы, короче, решили скинуться, тысяч по пятнадцать...

– По сколько? – с ужасом переспросила Алена.

– А ты думала! – возмутился тот. – Между прочим, Новый год – удовольствие не из дешевых! Если б мы его решили справлять в каком-нибудь там доме отдыха, то пришлось бы сбрасываться по паре штук баксов!

– Шутишь... – уныло пробормотала она.

– Эх ты, отсталость! Это самая дорогая ночь в году! Так дашь займы или нет? – уже более сурово спросил Костя.

– Да, – холодно ответила Алена. – А куда мне деваться? Только я, честно говоря, надеялась хоть этот Новый год встретить вместе.

– Слушай, все эти семейные праздники – такая тоска! – завопил Костя. – Кстати, я познакомился с потрясающей девушкой.

– Как зовут? – тоном старшей сестры спросила Алена.

– Маша, – с гордостью произнес Костя. – Машенька...

– А фамилия? – упрямо продолжила допрос Алена.

– Маша Погодина... – Его голос плавился от нежности. – Ей двадцать один год, она учится на юрфаке. Машенька блондинка, глазищи – во! – а ноги такие, что... – Тут Костя замолчал, видимо, растеряв все слова от восхищения.

– Блондинка на юрфаке? – хмыкнула Алена. – Это круто! Помнишь, даже фильм такой когда-то был – «Блондинка в законе», с этой... с Риз Уизерспун?..

– Не смешно! – заорал брат. – Все эти пошлые анекдоты про блондинок... Машенька – чудо, я вот специально вас познакомлю! И вообще, мне сейчас некогда, я на следующей неделе к тебе за деньгами заеду...

Алена улыбнулась и положила трубку на рычаг.

Брат Костя был в своем репертуаре – ему, как всегда, не хватало денег, и он только что познакомился с очередной «потрясающей девушкой». Костя – редкостный разгильдяй. Он с трудом окончил институт, а теперь работал менеджером в какой-то фирме, которых были тысячи в Москве. Он любил жизнь и потому никогда не страдал от излишнего честолюбия.

Алена снова села за рояль и с чувством принялась играть до-мажорную сонату Гайдна. Громко и вдохновенно – наверное, будь рядом старенькая Нинель Айрапетовна и консерваторский профессор, они непременно пожурили бы Алену за излишний пафос. Это все влияние ресторана...

Едва она доиграла сонату, как в потолок принялись громко стучать.

– О господи... – пробормотала Алена.

Стучал Семен Владимирович Кашин, старик-сосед, семидесяти шести лет, в прошлом переводчик с французского, а ныне – страстный кактусовод.

Он единственный предъявлял претензии к Алене – поскольку она жила на втором этаже, а на первом находился мебельный магазин. Из мебельного, кстати, еще никто ни разу не приходил к Алене с жалобами на громкую музыку...

Первое время, когда она только тут появилась, Алена испытывала муки совести. Не играть она не могла и потому каждый раз, услышав стук в потолок, поднималась к Семену Владимировичу и пускалась в долгие извинения.

Семен Владимирович внимательно ее выслушивал, извинения принимал, а потом вел показывать коллекцию кактусов. После кактусов он чуть ли не силой заставлял пить с собой чай, рассказывая опять же о кактусах или о своем недоброжелателе – некоем Кирилле Глебовиче Лигайо, тоже переводчике, совершенно Алене неизвестном.

Довольно скоро Алена поняла, что Кашину просто скучно и он рад любому поводу увидеть кого-нибудь возле себя.

В последнее время он даже не давал ей извиниться, просто втаскивал к себе в квартиру и сразу же вел к кактусам, впрочем, сохраняя на лице обиженное и несколько встревоженное выражение.

Родных у Кашина не было, знакомых – тоже (он пережил почти всех, за исключением этого самого загадочного Лигайо), единственным человеком, который к нему заходил, кроме Алены, была женщина из собеса, приносившая ему продукты, суровая и молчаливая прибалтка Лина, которая к кактусам была совершенно индифферентна.

Алена быстро собралась и через десять минут уже была у Семена Владимировича, страдая от мук совести и раздражения одновременно – она злилась и на надоедливого старика, и на себя, такую правильную.

– Добрый день, – церемонно произнес Кашин, распахивая перед ней дверь. – Прошу вас, Елена Петровна.

– Семен Владимирович, ей-богу, но я так больше не могу... – с досадой начала Алена.

– Тс-с! – вдруг перебил ее старик и прижал палец к бескровным узким губам.

– Что? У вас кто-то есть? – тут же сбилась Алена.

– Тс-с... Идемте, идемте. – Ухватившись за рукав ее свитера своей птичьей лапкой, Кашин потащил Алену за собой. Она недоумевала – может быть, в кои-то веки она действительно кого-то разбудила? Например, приехал к Кашину троюродный племянник и решил отдохнуть с дороги?.. А она, такая-сякая, своей до-мажорной сонатой Гайдна его потревожила...

Кашин был низенький, очень сухой, точно время выветрило из него все лишнее, лысый, с узко посаженными пронзительными глазами. Уши у него отличались совершенно необычной формой: острые, большие, уходящие назад и вверх – уши сказочного существа вроде тролля. Дети его боялись, хотя был старик безобиден и добр, но эти уши, лысина и цвет кожи, также несколько необычный и зловещий: бледный, желтовато-зеленый, при определенном освещении уходящий в прозрачную синеву, – пугали неокрепшее юное воображение.

Все подоконники в его квартире были заставлены широкими стеклянными ящиками, внутри которых находились квадратные (для экономии площади) горшки с разнообразными кактусами.

Эти растения, которые и цветами-то назвать было трудно, являлись главной страстью Семена Владимировича, ради них он даже иногда выбирался из дома – чтобы посетить клуб любителей кактусов и обменяться с кем-нибудь ценными экземплярами. И дело было вовсе не в старческой немощи (не настолько он был дряхл), просто Семен Владимирович очень боялся города, боялся машин и людей. Алена подозревала, что он всегда был таким – несколько странноватым, потому и профессию выбрал себе кабинетную, и семью не сумел завести.

– Семен Владимирович... – прошептала Алена, следуя за стариком.

– Тс-с... Туда, на кухню. Это случилось ночью, – загадочно ответил старик. – Я как чувствовал и не ложился спать.

У Алены побежали мурашки по спине.

Но на чистенькой кухне ничего подозрительного не наблюдалось, все как всегда – пластиковый блестящий столик, трясущийся мелкой старческой дрожью холодильник «Юрюзань», желтый чайник на плите, занавески с овощным узором, подоконник с неизменными кактусами. Больше никого и ничего.

– Вот, – торжественно прошептал Семен Владимирович. – Ямакару. Цереус Ямакару. Видите бутончики? Они раскрываются только ночью. Я даже не ожидал, что он зацветет у меня, да еще в это время года. Чудо, Елена Петровна, да?..

– Семен Владимирович! – рассердилась она. – Я-то думала... а вы... а у вас...

Кашин словно не заметил ее возмущения.

– Это мне как подарок, правда? Подарок к Новому году.

– До Нового года еще две недели, – хмуро заметила Алена, разглядывая колючую мочалку, к которой прижимались плотные беловатые бутоны, кстати, довольно крупные. – Они хоть пахнут?

– О-о! – застонал Кашин (Алена так и не поняла, являлся ли его стон подтверждением ее вопроса). – Это чудо!

Алена вздохнула.

– Вы завтракали, Елена Петровна? Давайте пить чай... – Кашин потянул ее своей цепкой лапкой к столу, заставил сесть.

У него уже и чай был заварен, и положен на блюдечко покупной джем из красной смородины, и лимон нарезан... Старик поставил перед Аленой чашку, сел напротив.

– Ну-с, командуйте, – любезно предложил он. Алена, подавив сокрушенный вздох, принялась разливать чай. «В следующий раз принесу ему пряников или зефир... он любит сладкое». – Вообще говоря, слово «кактус» пришло из Греции, – сказал он, глядя на Алену своими узко посаженными глазками.

– Seriously?

– Да. В Древней Элладе так называлось какое-то колючее растение, ученые считают, что это мог быть репейник или артишок. А в 1737 году Линней, по праву называемый родоначальником современной системы ботанической классификации, впервые применил это слово, изменив на латинский лад его написание.

Чай у Кашина был какой-то особенный, с сильным цветочным ароматом. Алена подозревала, что старик бросает в заварку засушенные соцветия своих любимцев, но спросить об этом не решалась.

– А вообще я, как переводчик, всегда настаиваю на том, что растения должны называться строго латинскими терминами, иначе происходит путаница, так как одно слово можно перевести в нескольких вариантах. Например, лейкотриха, – с увлечением произнес он (Алена поежилась). – Разве трудно запомнить это название?.. Так вот, лейкотриха переводится как белоколючковая, беловолосая, беловолосистая, белоигловая, белошетиноквая... Хотя на самом деле все просто, достаточно запомнить: «лейкос» – значит белый, а «трихос» – волосы. И все!

– А вообще сложно разводить кактусы? – вежливо спросила Алена. – И что для этого надо?

– О, в этом нет ничего особенно сложного! – просиял Кашин, обнажив идеально ровные зубы, слишком идеальные для настоящих. – Перво-наперво, Елена Петровна, если вы решите разводить их, то купите себе пинцет.

– Зачем?

– Затем, чтобы вытаскивать из себя колючки! – захихикал старик. – Попробуйте джем, Лина только вчера его принесла...

И Кашин пустился в долгий и подробный рассказ о разновидностях кактусов.

– ...заблуждение считать их жителями только пустынь, на самом деле они растут и в тропических лесах, и на травянистых равнинах, в горах и даже на морском побережье – так называемые мелокактусы.

Алена вспомнила, как три года назад они с Алешей ездили в Испанию, и на мгновение даже ощутила холодок морских брызг у лица. Как было хорошо тогда, легко и просто... Кажется, они смогут прожить друг с другом хоть тысячу лет, и даже этого будет мало. «Ты мне никогда не надоешь, не разонравишься, – сказал ей как-то Алеша, когда они вечером пили местное вино у себя в номере, сидя у открытого окна. – Ты очень славная, ты сама – как музыка».

Она тогда чуть не заплакала от восторга, от какого-то беспредельного, мучительного счастья – ведь Алена и в самом деле тогда слышала в себе музыку. Да, тогда у нее в ушах звучала мелодия, такая прекрасная и, главное, неизвестная – потому что она эту мелодию не слышала еще нигде и никогда.

И сейчас, сидя напротив Кашина, который как раз добрался до того, как правильно окоренять черенки у кактусов, Алена вдруг попыталась вспомнить эту мелодию.

Пальцы ее, лежавшие на столе, зашевелились, прикасаясь подушечками к холодному пластику, словно под ними была клавиатура.

– ...так вот, если не соблюдать это условие, то после высадки в грунт растение гораздо медленнее трогается в рост. Но самое главное – срезать черенки и снимать «детки» надо только весной или в начале лета! Это уж как дважды два...

Господи, как глупо они расстались! Алеша был, наверное, не в духе, он сказал – «нам надо расстаться», а Алена, вместо того чтобы разобраться во всем, сбежала, кипя от обиды.

Она разлилась на Алешу, потому что была уверена – он должен всегда воспринимать ее как воплощенную гармонию, он не имеет права быть недовольным ею.

«Какая дура... Нет, теперь уж поздно, теперь ничего не исправишь! Может быть, позвонить ему? А зачем? Наверняка у него уже кто-нибудь есть, мужчины никогда не бывают одинокими...» – мелькнула злая мысль.

– ...раз уж вам так интересно, Елена Петровна, то я вам сейчас подарю опунцию. Опунцию Бергера, если быть точнее, – так полностью звучит ее название...

И не успела Алена опомниться, как Семен Владимирович поставил перед ней горшок с растением, которое напоминало человечка с угрожающе растопыренными руками. Алена немного подалась назад от длинных колючек, вспомнив нехстати, что пинцета-то у нее дома, кажется, нет...

– Спасибо, Семен Владимирович, но я не уверена, что справлюсь, – растерянно пробормотала она.

– О, это проще простого, я вам все объясню! – взмахнул тонкими ручками Кашин. – Между прочим, я очень ценю людей, которые не подавляют окружающих своей самоуверенностью. Вы честно признались в своих сомнениях. А взять, например, Кирилл Глебовича Лигайо...

Алена вздрогнула и попыталась встать.

– Нет-нет, вы сидите, теперь я буду за вами ухаживать. – Кашин теперь уже сам подлил ей чаю. – Мы учились вместе с Кириллом Глебовичем, и еще тогда он любил брать на себя непосильные задачи. Вы в курсе, Елена Петровна, что он погубил Франсуа Валло?

– Что? Он убил его? – несколько нервно спросила Алена. «Сейчас скажу, что мне некогда. Встану и уйду. Ну сколько можно! Теперь оказалось, что этот Лигайо еще и уголовник... Кактус якобы забуду».

– А вы, например, знаете, кто такой Франсуа Валло? – зловеще спросил Кашин.

– Нет, – честно ответила Алена, потихоньку отодвигаясь от стола.

– Вот! – закричал Кашин, подняв вверх тонкий кривой палец. – А если бы не Кирилл Глебович, то Валло бы сейчас вся Россия знала! Вы слышали про Рембо, Верлена, Аполлинера?

– Про них слышала, – пробормотала Алена. В самом деле, довольно знакомые имена, поэты они были, что ли...

– Кирилл Глебович своим переводом убил Франсуа Валло. А если бы перевод доверили мне, то ничего подобного бы не произошло...

– Семен Владимирович, мне пора! – закричала Алена. – Спасибо, спасибо за все...

– А опунция? – спохватился Кашин. – Вы ее забыли! Сейчас я вам газетку дам, чтобы вы, значит, руки не накололи, пока несете ее...

Он выдвинул широкий ящик и зашуршал газетами. Сбоку, возле стопки старых газет, лежала складная подзорная труба.

– Извините, – сказала Алена. – Можно посмотреть?

– Что? Трубу? А, пожалуйста, пожалуйста... – благодушно кивнул старик. – Ее мне подали еще в советские времена, лет тридцать назад. Я тогда переводил одного французского коммуниста – несколько рассказов для журнала «Огонек», на морскую тему... Он, знаете ли, очень под Хемингуэя косил, как теперь молодежь выражается. Потом приехал, подарил мне эту трубу – настоящую, морскую. В благодарность. Умер в середине восьмидесятых.

– Как интересно... – пробормотала Алена, вертя в руках трубу. Она была тяжелая, в кожаном чехле. Когда она спросила разрешения взглянуть на нее, то в первый момент и сама не поняла, зачем ей это. А теперь заволновалась. Потому что труба была много лучше ее несерьезного биноклика. – Спасибо.

Алена поспешно попыталась положить трубу назад, в ящик, боясь собственных мыслей. «Может быть, я потихоньку начинаю сходить с ума от одиночества?..»

– Зачем? – перехватил ее руки Кашин. – Если вам надо, Елена Петровна, то вы берите... Это, между прочим, настоящая цейссовская оптика! Сейчас такую не найдешь. Берите, берите.

– Господи, но она мне совершенно ни к чему! – растерялась Алена. – А потом, для вас это память...

– Какая ерунда! – фыркнул сердито Кашин, еще более становясь похожим на сказочного тролля. – Я же вам объясняю – переводил несерьезные подделки под Хемингуэя, ничего интересного с художественной точки зрения!

– Хорошо, – нерешительно сказала Алена. – Я возьму. На время. Вы же знаете, из окон такой чудесный вид...

– Вот именно! – закричал Кашин. – Вам она обязательно пригодится, поскольку вы, как человек творческий, наверняка черпаете свое вдохновение в природе. Я, знаете, уже стар, голова плохо работает... – с досадой произнес он. – Не могу так хорошо переводить, как раньше. А мне предлагали – сейчас много интересной литературы появилось, много возможностей... И гонорары уже другие, разумеется! Эх, был бы я лет на двадцать помоложе...

Алена ушла от него, едва удерживая горшок с кактусом и тяжелую трубу.

Кактус она поставила на кухонное окно, за занавеску, – и тут же о нем забыла. Зато трубу тут же принялась чистить – она была какой-то закоптелой, скользкой на ощупь, с замазанными стеклами – может быть, потому, что слишком долго лежала у Кашина в кухонном ящике...

Потом, стоя у окна в комнате, поднесла трубу к глазам, подкрутила колесико. Четкость была необыкновенная.

До пяти часов вечера она ждала появления своего незнакомца (а вдруг?). Потом стемнело, и не имело уже никакого смысла ждать Его – по крайней мере, до следующих выходных.

Алена села за рояль и принялась наигрывать Вторую балладу Шопена, которую очень любила, – это была тихая, проникновенная, завораживающая мелодия. Звуки лились мягко, точно воск. Ну да, именно такими были ощущения – она словно лепит что-то руками из податливого воска, как скульптор. Какую-то сказку...

* * *

Наверное, все было бы сейчас по-другому, если бы тогда не попал ей в руки бинокль.

А так она целую неделю ждала следующих выходных, сгорая от нетерпения.

«Может быть, Халатов прав и я действительно потеряла радость жизни? Занимаюсь какой-то ерундой...»

В субботу начало темнеть рано, чуть ли не в начале третьего, – это были самые короткие дни в году.

Алена то и дело выглядывала в окно.

Включенный телевизор вещал:

– ...у нас возник класс людей, для которых покупка собственного самолета, квартиры с видом на Кремль и загородного дворца площадью в пять тысяч квадратных метров уже не представляет никакой проблемы. Дача на Рублевке, имение на юге Франции, домик в Швейцарии – сейчас вы можете купить все, что угодно, если у вас есть деньги. Словом, такого уровня обслуживания миллиардеров, какой сегодня предлагают в России, нет ни в одной стране мира. А теперь давайте разберемся, откуда в нашей стране взялось столько богатых людей...

Алена посмотрела на экран – известный тележурналист Никита Ратманов вел очередное разоблачение. Он был молод и чрезвычайно самоуверен – и потому за него невольно становилось страшно. Алена послушала Ратманова, а потом выключила телевизор – откуда взялись у миллиардеров их миллиарды, ее не интересовало.

Неожиданно приехал Костя, взял деньги и тут же снова уехал. В первый раз Алена не стала его задерживать – и он даже как будто удивился, когда она спокойно попрощалась с ним.

Потом позвонила Серафима:

– Ты идешь сегодня в свой кабак?

– Сима, это приличное заведение...

– Ну, все равно, идешь?

– Нет, сегодня там свадьба... Я завтра работаю.

– Тогда я к тебе сейчас заеду.

– Зачем? – растерянно спросила Алена.

– Просто так... Или ты не хочешь меня видеть?

– Нет, что ты! Конечно, хочу... – спохватилась она.

– Тогда жди!

Алена снова поднесла трубу к глазам и тут неожиданно увидела Его.

Он уже сидел на своей скамейке, вполоборота к Алене. Цейссовская оптика не подвела – теперь Алена смогла разглядеть каждый его волосок на голове, полоску кашне, чуть выглядывающую из-под воротника пальто, ухо, ботинки – словно все это было у нее под носом, в каком-то полуметре.

Сердце у Алены забилось часто-часто – ей стало жутко. Человек сидел на скамейке в парке и даже не подозревал, с какой дотошностью разглядывают его из соседнего дома!

В какой-то момент Он повернулся, и Алена сумела разглядеть Его профиль.

Мужчина был красив.

То есть Он полностью соответствовал ее представлениям о настоящей мужской красоте – идеальный затылок, ровная линия лба, прямой нос, чуть тяжеловатый подбородок... Четкая линия плеч, немного расслабленная спина (ну правильно, человек же не на параде!). Ничего слащавого, приторного, вызывающего – ни в седине, ни в цвете пальто, ни в сложенных на коленях руках. Нет, это была не красота даже, а простота – в самом хорошем смысле, не выверенная, а такая, как есть. Как истина.

То, что раньше было лишь смутным контуром, наполовину созданным воображением, теперь превратилось в реальность – вот что сделала кашинская труба.

– О господи... – расстроено прошептала Алена. Только сейчас она поняла, что этот человек ей нравится, но это открытие не доставило никакой радости.

Потому что она не знала, что делать с этим чувством. Не знала, и все...

Раньше, много лет назад, юной провинциалкой приехав в Москву и познакомившись с Борисом, думала, что знает. Она тогда только что поступила в консерваторию, была отчаянной и самоуверенной. Борису очень польстили ее неординарность (штучный товар – студентка

консерватории, а не какого-то там экономического или технического вуза!) и ее желание покорить мир. Борис клюнул именно на то, что она не была похожа на других девушек. Ну как же – будущая звезда, которой предстояло затмить славу Святослава Рихтера, Вана Клиберна и прочих гениев прошлого (имен других исполнителей Борис не знал, но и того вполне достаточно)!

Борис Бугров был атлетическим красавцем с плакатной внешностью (темные волосы, волной набегающие на лоб, синие глаза!) – по таким всегда сох противоположный пол, но, как ни странно, принадлежал к той относительно новой формации мужчин, чьей эрогенной зоной являлся мозг (выражение, кажется, принадлежащее одной известной феминистке). Его уже не удовлетворяли чисто внешние характеристики своей избранницы, он хотел, чтобы эта избранница была *особенной* во всех отношениях.

А Алене тогда все пророчили необыкновенное будущее – знакомые, преподаватели, все. Она летала по Москве в ореоле своего таланта, который, кажется, можно было пощупать руками, от нее шло некое электричество. Бетховен, Шуман, Рахманинов, Скрябин, Дебюсси... Отзвуки их дивной музыки витали над ее лбом – как нимб.

В свои восемнадцать она весила сорок семь килограммов, обладала идеальным цветом лица и волосами, которые с легкостью выдерживали любые парикмахерские эксперименты. Казалось, даже кровь ее тогда имела особые свойства, по составу ненамного отличаясь от шампанского.

Борис Бугров, московский мальчик, сноб и эстет, словно опьянел от нее, от Алены.

Они не спали ночами, рассуждали о музыке и о прочих видах искусства, ходили по клубам и многочисленным друзьям, ездили в Питер, по Золотому кольцу, пару раз выбрались на Домбай... Господи, чего только они не делали, сходя с ума от собственной юности и любви! Теперь, вспоминая эти годы, Алена искренне удивлялась, как у нее еще хватало тогда сил и времени серьезно заниматься музыкой – а ведь хватало же, недаром преподаватели постоянно пытались усмирить ее темперамент, ее бешеный азарт. «Алена, вы сейчас разломаете рояль!» – сколько раз смеялся профессор, готовивший ее к исполнительской деятельности.

Борис Бугров, влюбленный до беспамятства, сделал ей предложение.

Но тут в дело вмешалась его мама, Калерия Львовна, полковник милиции – то есть тогда она еще не была полковником, а, кажется, только майором...

На любовь и поездки по Золотому кольцу она закрывала глаза, но коль скоро дело приняло матримониальный характер, Калерия Львовна встала на дыбы. «Ну и что, что талант, ну и что, что виртуозкой ее считают! – возмущенно заявила строгая дама своему сыночку, свихнувшемуся от любви. – Будь она хоть сто раз виртуозкой, все равно не поверю, что она о московской прописке не мечтает! Вот увидишь, Боря, она к нам пропишется, а потом подаст на развод и раздел имущества, сколько таких историй перед моими глазами прошло...»

Борис Бугров взбунтовался. Больше двух лет они скитались с Аленой по съемным квартирам. Борис твердил, что никого он не любил так, как Алону, и вряд ли еще кого полюбит вообще, потому что «я знаю точно, Аленушка, что подобное бывает только раз в жизни!».

А потом он сломался, буквально в один день. Устал от жизни по чужим углам. Или кончилась бесшабашная юность, уступив трезвой и прагматичной зрелости?..

«Нам надо расстаться», – сказал он Алене и вернулся к маме, к налаженному образцовому быту (в делах домашних Калерия Львовна достигла поистине генеральских вершин, она была тоже виртуозом в своем роде – могла за пять минут идеально выгладить мужскую рубашку и сварить такой борщ, во время поедания которого вдохновенно рыдала душа, томясь от невыразимого восторга...).

Алена мучительно переживала этот разрыв. Сима с Любой, лучшие подруги, утешали ее, говоря, что «первая любовь всегда плохо заканчивается». А что еще они могли сказать?..

Но она пережила. Сумела простить и забыть. Но лишь для того, чтобы снова, спустя несколько лет, услышать эти слова из уст другого мужчины. Алеша тоже решил, что им «надо расстаться».

...Так что теперь она разглядывала в подзорную трубу незнакомца, сидевшего на скамейке в парке, и ясно видела перспективы. Например, им удастся познакомиться (как это сделать, можно придумать), некоторое время они будут счастливы. А потом Он возьмет и тоже скажет эти дурацкие слова! Непременно скажет, потому что ее, Алену, долго любить нельзя. Она надоест Ему, как ей надоело играть гаммы...

Алена засмеялась сердито и, оставив трубу, отправилась на кухню.

Она намеревалась приготовить торт к приходу подруги. Торт готовился моментально (главное, чтобы все ингредиенты были под рукой). Конечно, до кулинарных шедевров Калерии Львовны он недотягивал, но тем не менее Сима, равно как и Люба (кстати, а почему бы ее тоже не пригласить в гости, сто лет ведь не виделись?..), очень хвалили этот торт.

Слои зефира, нарезанного вдоль, заливались смесью из вареной сгущенки, пачки молотого печенья и сливочного масла – и ставились в холодильник. Вот и все. Для красоты торт можно было посыпать тем же молотым печеньем...

Алена сунула блюдо в холодильник и набрала номер Любы.

– Вы позвонили Любове Витальевне Шеиной, пожалуйста, оставьте свое сообщение после гудка...

– Любка, приезжай ко мне! – сказала Алена в трубку. – Серафима сейчас обещалась... Правда, приезжай!

Потом Алена переделалась в свое любимое голубое платье. Воткнула в уши сережки из бирюзы. Заколкой укрепила волосы на затылке (привычный концертный вариант, строгий и сдержанный).

Потом, махнув рукой, решила пуститься во все тяжкие и достала шкатулку с драгоценностями. Конечно, «драгоценности» – слишком сильное слово для этих побрякушек, но когда еще будет повод нарядиться?.. Браслеты, цепочки, кулончики, броши. Блеск и звон.

«Нет, на цыганку похожа...» – посмотрела Алена в зеркало и сняла с себя все, кроме серег. Расточительная и смелая в юности, она после тридцати стала скупой и сдержанной. Потом подумала и все-таки надела на указательный палец большой перстень с сапфиром – пожалуй, единственно драгоценную вещь у нее.

Перстень подарил Алеша к свадьбе. Не поспешил, правда, с размером немного не угадал – пришлось носить его на указательном пальце, хотя какая разница... Сказал: «Тебе идет все синее, голубое... Люблю тебя».

После разрыва Алена хотела вернуть ему подарок, но он не взял.

В домофон позвонили.

– Алена, это я, открывай!

Через минуту впорхнула Серафима – в черном пончо, отороченном красным мехом, в красных сапожках и с красной же сумкой, а на голове – черная шляпа с высокой тульей.

– Ты, как всегда, неотразима... – засмеялась Алена и тут же примерила ее шляпу на себя, повернулась перед зеркалом. – А что, интересно!

– Ты считаешь? – обрадовалась Сима. – А то мне один мужик из машины пальцем у виска покрутил... Хотя, может быть, он просто не в восторге от моего вождения был?..

– Да, скорее всего!

Сима была невысокой, с коротко стриженными рыжими волосами и пухлыми щеками – очень милое и простое личико, но тем сильнее не нравилось оно Симе. Не нравилась ей и собственная фигура с тонкими, очень худыми ножками и несколько преувеличенной задней частью. Сима ни в коей мере не была толстой, но несоответствие некоторых пропорций создавало именно такое впечатление.

Сима была художницей и потому стремилась визуально исправить свой внешний вид. Некоторых она даже шокировала – особенно своим пристрастием к шляпам и ботфортам.

Сима густо подводила брови, чернила светлые, как у всех рыжих, ресницы и красила губы ядовито-красной помадой. Поскольку Алена знала Симу очень давно (лет пятнадцать назад они познакомились в Доме художника), то уже привыкла к ее внешности.

Люба же, которая была больше Алениной подругой, поскольку приехала в Москву из того же городка, к Симиным визуальным экспериментам никак не могла привыкнуть. «Господи, Алена, да скажи ты ей! Что она опять с собой сделала?..» Сима могла нарисовать на своем лице капающие из глаз слезы, могла наvertеть вокруг шеи боа из перьев неизвестной птицы и натянуть перчатки до плеч, а однажды даже сбрила брови – «под Марлен Дитрих». Сбривала ли на самом деле Марлен Дитрих себе брови или нет, Алену не волновало, в отличие от Любы...

– А я винца привезла! – радостно сообщила Сима, стянув с себя через голову пончо. Под пончо на ней было атласное платье цвета шампанского с разрезом до пупа и стянутое на груди брошь в виде божьей коровки. – Красенького...

– Ты же за рулем!

– А я для тебя. Ты будешь пить, а я буду на тебя смотреть, – ласково сказала Сима.

Они прошли в комнату.

– Я Любке позвонила, – сообщила Алена. – Может быть, тоже сейчас приедет. Или нет – я на самом деле с автоответчиком разговаривала...

– Да? Это было бы хорошо, если б мы все вместе собрались, – согласно кивнула Сима. Провела пальцами по корешкам книг на книжной полке, потом повернулась на крутящемся табурете возле Алениного «Шредера». – Какой маленький у тебя рояль... – заметила рассеянно.

– Называется – кабинетный, – сказала Алена. – Между прочим, начало двадцатого века!

– Антиквариат... Ой, а это что? – вцепилась Сима в подозрную трубу, стоявшую на подоконнике. – Прелесть какая! Настоящая?

– Конечно... Семен Владимирович дал.

– Ой, этот Семен Владимирович... – засмеялась Сима и поднесла трубу к глазам. – Надо же, все видно! Аленушка, а зачем тебе эта труба?

Алена помедлила, а потом решила признаться:

– Я за человеком одним наблюдаю. Кстати, он еще здесь... Ты не туда смотришь. Во-он там... – Она рукой осторожно направила трубу. – Видишь?

– Вижу, – тихо ответила Сима, страшно заинтригованная. – Мужик сидит на скамейке. Ничего так... На Ричарда Гира похож, когда тот еще относительно молодой был.

– Какой еще Ричард Гир, у Ричарда Гира нос картошкой! – обиделась за своего незнакомца Алена.

– Нет, похож, – настаивала Сима.

– Да ни капельки! – возмущенно закричала Алена.

– Аленка!

– Что?

– Что-что... Кто он?

– Я не знаю.

– Ой, уходит! – закричала Сима, волнуясь. – Алена, он уже уходит!

– Пусть уходит. Он всегда уходит, как стемнеет. Посидит полчаса-час – и обратно...

– А зачем он тут сидит?

– Говорю же, не знаю! Между прочим, каждые выходные... На пруд смотрит. На уток. Как люди на льду катаются...

– Каждые выходные... Он замечал, что ты за ним наблюдаешь?

– Нет, конечно, он же практически спиной ко мне сидит. Спиной или вполборота... И потом, даже если бы он обернулся, все равно бы меня не заметил. Дом большой, окон много...

– Алена включила свет – стемнело внезапно и быстро.

– Ты в него влюбилась? – серьезно спросила Сима, глядя на Алену круглыми светлосерыми глазами, в которых отражался электрический свет.

– Сима, я не сумасшедшая, я просто из интереса за ним наблюдаю... – возмущенно начала Алена, но подруга ее перебила:

– Значит, он тебе нравится, и ты хочешь с ним познакомиться. Алена, но это просто – выйди из дома в следующий раз, пройди мимо, сделай вид, что у тебя сломался каблук, спроси, не видел ли он собачку...

– Какую собачку?

– Ну, которую ты якобы ищешь! Ах, Алена, вариантов знакомства масса...

– Во-первых, у меня нет собачки. Во-вторых, я не думаю, что он захочет со мной познакомиться. В-третьих, не уверена, что мне самой нужно это знакомство.

– Ты что, Алена?.. – Сима еще шире раскрыла глаза. – Еще как нужно! Ты же одна!.. А он, кажется, вполне приличный мужчина, на Ричарда Гира похож...

– Дался тебе этот Ричард Гир! – рассердилась Алена. – И потом, это нехорошо – самой навязываться.

– Ой-ой-ой! – насмешливо засмеялась Сима. – А ты думаешь, как люди знакомятся? Хочешь всю жизнь в четырех стенах просидеть, ожидая принца на коне? Он же, этот принц, знать о тебе не знает! Вот откуда он может догадаться, в какой квартире тебя искать, а?.. Он что, экстрасенс?

– Сима!

Они замолчали, глядя друг на друга.

И в этот момент запищал домофон.

– Любка? – удивленно-радостно воскликнула Сима.

– Она, наверное... Только я тебя умоляю, Сима, ничего не говори – ты же знаешь, какая она!

Алена быстро спрятала подзорную трубу и побежала открывать дверь.

Через пару минут к компании присоединилась Люба.

– Привет, богема! Алена, я твое послание услышала и подумала – отчего, в самом деле, не заглянуть?..

Любовь Шеина была выдающейся женщиной – в прямом смысле этого слова.

Она была выше Алены на голову, а Симы – на две. В музейных залах, представлявших античность, можно увидеть подобных женщин, запечатленных в мраморе. Люба была копией Артемиды или Дианы-охотницы. А может, Геры, супруги Зевса...

Большую часть своей жизни Люба занималась академической греблей – профессионально. Званий и наград – несть числа, квартиру в Москве смогла купить, в отличие от Алены... Но потом Люба ушла из спорта и теперь работала в крупной туристической фирме. «Надо и о личной жизни подумать...» – сурово объяснила она свой уход из большого спорта.

Правда, ни Алена, ни Сима ничего о личной жизни подруги не знали, поскольку Люба была человеком очень скрытным. Они давно привыкли к этому и в душу к ней не лезли. Надо будет – сама расскажет.

Но в том, что эта личная жизнь существует, можно было не сомневаться – у Любы вечно не хватало времени, встречи трех подруг можно было по пальцам пересчитать. Да и сама Люба – высокая, статная, мощная, с гривой вьющихся каштановых волос, кареглазая, чернобровая, румяная – никак не походила на киснувшую в одиночестве старую деву.

– Господи, что за подруги у меня... – захохотала она. – Одна пианистка, другая художница... Мне, что ли, каким искусством заняться?

Алена открыла бутылку вина, поставила в центр стола свой торт.

– О, опять это зефирное чудо... Алена, а я вот что принесла. Кстати, купила по дороге в твоей «Синематеке», там потрясающая кулинария, все нахваливают... Даже бочонки пива навынос дают!

Люба присовокупила к яствам огромный пластиковый контейнер с крабовым салатом.

– А, по знаменитому халатовскому рецепту... – засмеялась Алена. – Наш фирменный салат, узнаю!

Чокнулись, выпили за встречу, Сима – символически, лишь губы слегка обмочила. Но не пила она не только потому, что приехала на машине. Дело было в другом. Сима – настоящая маменькина дочка, она никогда не делала того, что не должна делать приличная девушка. Прежде чем совершить что-либо, она всегда думала о том, как к данному поступку отнеслась бы ее мама. Мама Симы умерла несколько лет назад, но до сих пор Сима руководствовалась принципом «можно-нельзя». Слово «хочу» она употребляла нечасто, правда, в отношении подруг отличалась большим демократизмом. Например, она посоветовала Алене познакомиться с загадочным мужчиной из парка, но (Алена это знала точно) сама ни за что бы так не поступила.

Алена прекрасно помнила Лидию Васильевну, маму Симы. Это была в высшей степени достойная женщина, обладающая лишь одним недостатком – ее преследовал вечный страх. Хотя, по здравому разумению, Лидия Васильевна боялась того, чего и должен бояться современный человек.

Перво-наперво природные катаклизмы. Ураган в августе тысяча девятьсот девяносто восьмого года, пронесшийся по Москве, произвел на Лидию Васильевну неизгладимое впечатление. Были же погибшие! А сколько пострадавших! С тех пор она ежедневно слушала прогноз погоды – не дай бог, снова объявят ураганное предупреждение... Даже просто сильный ветер пугал Симины маму – а ну как повалит он трухлявый тополь, да прямо на Симочкину голову (Лидия Васильевна боялась не столько за себя, сколько за свою единственную дочь)?! Но это летом, зимой же следовало опасаться гололеда. Перелом позвоночника – страшная вещь, после него можно и не встать. Перелом руки или ноги – тоже не слишком приятная перспектива... Весной не стоило ходить под крышами (сосульки! обрушение наледи!).

Еще дороги с сумасшедшими водителями. Дорог тоже следовало опасаться. Лидия Васильевна с Симой ездили только на метро, самом безопасном транспорте мира, – до тех пор, пока Симу не толкнул суетливый прохожий, прямо на глазах Лидии Васильевны. Сима в тот момент стояла недалеко от края платформы и вполне могла свалиться вниз, где:

а) Симу переехал бы подъезжающий поезд (моментальная смерть);

б) единственную дочь ударило бы током от контактного рельса (пятнадцать тысяч вольт, тоже моментальная смерть).

И тогда Лидия Васильевна волевым решением заставила Симу пересесть на машину – «Оку», оставшуюся ей от покойного брата. Разумеется, Сима ездила по городу с черепашьей скоростью, стояла подолгу на каждом светофоре, игнорируя гудки стоявших сзади автолюбителей, в гололед за руль не садилась, летом под тополями не парковалась.

Далее в списке того, чего следовало опасаться, шли маньяки и уголовные элементы. Симе следовало возвращаться домой до темноты, регулярно звонить Лидии Васильевне и оповещать ее о том, что единственная дочь жива-здорова. В лифты с незнакомыми не заходить. С чужими не разговаривать – даже с теми, кто внешне выглядел прилично (эти самые маньяки как раз под приличных и маскируются, научный факт!). Если знакомство тем не менее происходило, следовало немедленно проверить паспорт нового друга, записать его телефон и домашний адрес.

Кроме того, следовало опасаться цыган – они могли загипнотизировать и обобрать до нитки. Следовало смотреть под ноги – поскольку коммунальные службы иногда не закрывали

люки. Следовало обходить стороной бомжей как разносчиков блох, вшей и туберкулеза... И вообще, заразным мог оказаться любой!

Перечислять все то, чего боялась Лидия Васильевна, можно было бесконечно, тем более что она регулярно смотрела телевизор – в основном передачи о криминале и прочих ужасах, мотивируя это тем, что «надо быть ко всему готовыми». Ужасов этих было так много вокруг, что их надо было знать все – копить в памяти, складывать, сортировать, классифицировать, дабы в один прекрасный день они не застали врасплох ее, а главное – любимую дочь, Симу.

Мама Серафимы умерла в собственной квартире, осенью, когда не было ни гололеда, ни урагана, не ломилась в дверь настойчивые маньяки. Умерла во сне, в своей собственной постели, тихо и без мучений – просто оторвался какой-то тромб в мозгу. Это была в высшей степени милосердная кончина, ибо тот, кто вершил всеми судьбами, не дал Лидии Васильевне в последние мгновения ее жизни испытать надоевший страх.

Так вот, Лидии Васильевны не было, но Сима продолжала жить так, словно та незримо присутствовала рядом...

– Скоро будет моя выставка, – сказала Сима. – Придете, девчонки?

– Конечно! – энергично закивала Алена. – Обязательно! А, Любаша?

– Не знаю, – серьезно произнесла Люба. – Столько дел... Кстати, Алена Батьковна, а ты ведь со своим бывшим так и не развелась?

– Нет, – вздохнула Алена и подлила всем еще вина. – А что?

– Ничего. Так просто...

– Слушай, Аленушка, может быть, ты до сих пор надеешься помириться с Алешей? – спохватилась Сима. – Как он там поживает?

– Не знаю, – пожала плечами Алена. – Не видно и не слышно моего бывшего... Наверное, нашел кого-то.

– Зря ты так, – сурово произнесла Люба. – Он хороший мужик. Просто вы с ним не пара были.

– Конечно, зато ты ему была парой! – огрызнулась Алена.

– Ну, я или не я – это уже не имеет значения, зато вы совершенно не подходили друг другу! – упрямо повторила Люба.

Она намекала на ту давнюю историю – когда-то знакомство подруг с Алешей произошло одновременно, и первое время некая путаница присутствовала в их отношениях, пока Алеша окончательно не выбрал Алену.

– Ах, перестаньте! – замахала руками Сима. – Аленушка, лучше сыграй нам.

Алену долго уговаривать не пришлось – она села за рояль, пробежала пальцами по клавишам.

– Что сыграть-то? – хмуро спросила она.

– Что-нибудь зимнее, праздничное – да, Люб? – попросила Сима, сияя глазами.

Алена начала всем известную мелодию из «Щелкунчика» Чайковского. «Вот вам зима, вот вам праздник, вот вам ожидание чуда...» – продолжала она хмуриться. Но потом увлеклась, разыгралась – и музыка захватила ее.

Музыка заполнила всю комнату и вместе с электрическим светом вырвалась наружу, за окно – пролетела над замерзшим прудом, над пряничным новоделом, над черными деревьями, над парком. Заставила снег заискриться, закружила любителей фигурного катания, поднялась к звездам, и там – растаяла в ледяном небе.

– Ах, как хорошо... – растроганно пробормотала Сима. – Даже слов таких нет, как хорошо!

– Аленка, глупая, зачем ты свою карьеру загубила, а? – недовольно подхватила Люба.

– Перестаньте... – отмахнулась Алена.

– Я вот чего не понимаю, – сказала Сима. – Почему сами композиторы свою музыку не играют? Мне кажется, уж никто лучше их не знает, как исполнять то или иное произведение...

– Ну да, только ожившего Чайковского тут не хватало! – фыркнула Люба.

– Нет, я о нынешних композиторах... Придумывают музыку одни, а играют-то ее совершенно другие!

– Я поняла тебя, Сима, – сказала Алена. – Все просто: творец творит, артист играет. Я – артистка... Кстати, Шопен, сочинявший гениальную музыку, не в состоянии был давать концерты. Толпа его пугала, он боялся незнакомых лиц, любопытных глаз, чувствовал себя парализованным. Но это не у всех, многие композиторы очень неплохо выступают на публике.

– Слушай, а ты сама не пробовала чего-нибудь сочинить? – неожиданно спросила Сима.

– Чего-нибудь, чего-нибудь... – пробормотала Алена. – Между прочим, импровизация – это тоже сочинительство, только на публике. Я три дня в неделю занимаюсь этим!

– Ну, а сочинить симфонию или сонату – ты не пробовала? – Сима не отставала.

Люба захохотала:

– Ненормальная! Симфонию... Лучше уж пусть шлягер какой придумает... В курсе, сколько композиторы-песенники зарабатывают? А сама?

– Что – сама? – покраснела Сима.

– Много ты сама своими художествами заработала?

– Ох, мало... – вздохнула Сима. – В основном зарабатываю только тем, что рисую портреты на заказ. Да вот еще летом получила приличную сумму – мне один товарищ поручил нарисовать пейзаж для гостиной, большой такой холст – два на полтора...

– Замуж вам пора, обеим! – усмехнулась Люба, закинув ногу за ногу. Ноги у нее были длинные, сильные, с узкой длинной стопой, на большом пальце перекинутой через колено ноги болталась Алена тапочка, смотревшаяся несколько карикатурно – у Любы был сорок третий размер. Но тем не менее она выглядела чрезвычайно женственно и пропорционально – богиня, спустившаяся с Олимпа на жиденькую московскую землю.

Между собой Алена и Сима считали Любу рациональной, уверенной в себе личностью, обладавшей позитивным складом ума. «Ах, Любка среди нас самая нормальная! – не раз восклицала Сима. – Хотела бы я быть такой...»

Правда, Сима не знала кое-что о Любе. А Алена знала. Одна мелочь, правда, очень несущественная, но которая каждый раз невольно вспоминалась Алене, когда она глядела на Любу. Некая нотка, которая нарушала впечатление общей гармонии...

Однажды, лет пять назад, Люба в порыве женской откровенности, столь несвойственной ей, призналась – она ничего не чувствует. Алена сначала не поняла, а потом ахнула удивленно – Люба, эта богиня, эта масса мраморной совершенной плоти, Люба с ее румянцем, черными бровями и копной густых кудрявых волос, Люба, пышущая здоровьем и уверенностью, воплощение ренессансной, щедрой красоты, – была фригидна.

«Нет, я не испытываю никакого дискомфорта, мне даже приятно, когда ко мне прикасаются – но не более того, – добавила Люба. – Пожалуй, более острое наслаждение я испытываю, когда расчесываю комариные укусы!» – умудрилась она даже пошутить.

«Наверное, ты не нашла еще такого мужчину, который был бы достоин тебя», – сказала тогда Алена – заезженный медицинский термин показался ей несовместимым с прекрасной Любовью.

И теперь, глядя на Любу, она попыталась представить того мужчину, который был бы достоин ее.

– А ты – собираешься замуж? – не выдержала, спросила Алена.

– Может быть... – ослепительно улыбнулась Люба и многозначительно прикрыла глаза. – Скоро.

– Люба! – взвизгнула Сима. – Господи, а кто он?

– Всеу свое время. Потом, девочки, потом... Пока все еще достаточно неопределенно. Боюсь взглянуть.

– И не говори! – взволнованно произнесла Алена. – И не надо! Мы с Серафимой потерпим... Симка, умерь свое любопытство!

– Все-все-все! – замахала руками Сима. – Я просто очень рада за тебя, Любочка...

Аленино воображение нарисовало рядом с Любой этакого Добрыню Никитича – с косою саженью в плечах и ростом не менее двух метров (в этой паре не мог жених быть ниже невесты!). Добрыня Никитич был добр, ласков и нечеловечески силен – атлет, тяжеловес, молотобоец, способный с легкостью подхватить Любу на руки, и уж его-то мужественные прикосновения играючи пробудили бы в Любе вулканы страсти! Союз Земли и Воды, громокипящие объятия Зевса и Геры...

Представив все это, Алена даже затрясла головой.

– Надо выпить, – нетвердо произнесла она. – Давайте, девочки, за нас.

– Да, за нас! – закричала Сима. – Ой, только мне не подливайте!..

Вечером подруги ушли – причем первой отбыла Сима, над которой витал призрак Лидии Васильевны, напоминавший о том, что в позднее время на улицах особо свирепствует криминал...

Люба собралась уезжать чуть позже.

Но Алена, которую продолжало мучить дурацкое любопытство, опять не выдержала и нерешительно спросила Любу, которая как раз натягивала на себя в прихожей длинную широкую дубленку, размерами своими напоминающую милицейский плащ-палатку:

– Любка...

– Что?

– Помнишь, ты мне как-то сказала...

– Ну что? Что?

– Что ты ничего не чувствуешь...

– Ну и что? – нетерпеливо закричала Люба. – Ты это к чему спрашиваешь?

Судя по тому, как быстро Люба отозвалась, значило – она до сих пор тоже держала в памяти тот давний разговор и до сих пор кляла себя за откровенность. Дружеские излияния в духе сериала «Секс в большом городе» Любе, как уже говорилось, были несвойственны.

– Что-то изменилось? – тихо спросила Алена.

Люба некоторое время молчала, глядя на подругу неподвижными ярко-карими, орехового оттенка, влажными глазами, а потом сказала:

– Не твое дело.

И ушла.

Алене стало не по себе – но не потому, что разозлила подругу. Ясно, что Люба до сих пор была холодна и даже неизвестный Добрыня Никитич не смог ей помочь...

Алена снова села за рояль, пробежала пальцами по клавишам.

«Ну, допустим, сама я тоже не образец вулканических страстей. Я самая обычная женщина, я не стораю ежеминутно от желания. Да и к чему они, эти желания, – они хороши по молодости, а сейчас от них одна только головная боль... Но у меня они были, возможно, они у меня еще будут (при всем своем пессимизме, я надеюсь на это) – так почему же именно ей, Любке, они недоступны? Любовь без любви, один рассудок! Хотя, говорят, это обычный случай и никакой трагедии в этом нет. Вот импотенция у мужчин – это да, это действительно трагедия...»

– Господи, и о чем я только думаю?! – Алена принужденно захохотала.

«Нет, дело не в Любке... Она нормальная женщина (подумаешь, нет в ее жизни этих жалких секунд, этого так называемого высшего наслаждения!). А вот кто действительно ненормальный, так это я, при наличии всех полагающихся рефлексов. Потому что я в принципе

ничего не хочу! Как там Халатов сказал – потеряла радость жизни?.. У меня не тело, у меня душа холодная, а это еще хуже!»

Алена снова захохотала – с ненавистью к себе.

Она извлекла из старенького «Шредера» несколько хаотичных, оглушительных аккордов. В потолок постучали.

«Вот он, мой герой, моя последняя страсть!» – продолжая иронизировать, она вскочила, отрезала большой кусок от своего зефирного торта. Поправила перед зеркалом прическу, схватила тарелку и понеслась по лестнице вверх, придерживая свободной рукой подол длинного платья.

Семен Владимирович незамедлительно распахнул дверь.

– Добрый вечер, Елена Петровна...

– Семен Владимирович, это вам, попробуйте! – весело произнесла Алена.

– Сами делали? – оживился старик, схватив тарелку своими цепкими лапками. – Не откажусь! Да вы заходите... Я, кстати, для того вас позвал, Елена Петровна, чтобы напомнить – не вздумайте часто поливать опунцию, у кактусов сейчас период покоя.

– Период покоя?

– Вот именно. И вообще, любые цветы не следует слишком часто поливать, потому что у них развивается прикорневая гниль, бороться с которой чрезвычайно сложно...

Он шел по коридору впереди Алены, подныривая из стороны в сторону, – маленький, сухой, с блестящей лысиной и торчащими вверх острыми ушами.

– Сейчас, Елена Петровна, я вам напишу примерный график полива, уж вы его соблюдайте...

– Обязательно, Семен Владимирович, обязательно! – истово обещала она.

* * *

Неделя перед Новым годом была самой сложной.

Алена играла в «Синематеке» уже каждый вечер. Правда, утешением было то, что сегодня (а именно тридцатого декабря) она работала последний день в этом году – на завтра в ресторан были приглашены другие артисты. Целая праздничная программа, в которой Алена отказалась участвовать. Наврала Халатову, что уезжает... Конечно, никуда она не уезжала, просто неохота было смотреть на бессмысленное пьяное веселье.

В двенадцатом часу, утром, пошел снег. Алена выглянула в окно и ахнула. Деревья стояли все белые, сказочные. Да, пожалуй, за эту красоту стоило платить...

А потом она посмотрела чуть вниз и неожиданно заметила смутный силуэт на скамейке. «Он?» – удивилась Алена. Это было не Его время...

Она быстро поднесла к глазам подзорную трубу.

Но это был точно Он. Алена хорошо разглядела Его – даже пелена падающего снега не явилась помехой для цейссовской оптики.

Несколько минут она с любопытством наблюдала за Ним. Вот Он встал, кинул что-то уткам (они засуетились в своей полынье). Потом долго стоял неподвижно, повернувшись к Алене спиной, и снег медленно падал на него – целые сугробы лежали уже на плечах.

«А что, если правда сейчас подойти к нему, сказать: «А знаете, я давно за вами наблюдаю...» Просто поговорить с ним! Он не выглядит злым, да и не бывают люди под Новый год злыми, они охотно общаются – потому что в этот праздник что-то раскрывается в душе, никто ни от кого не шарахается...»

Алена ясно представила, как подходит к Нему, и ее вдруг охватил непонятный страх. «Нет. Не стоит. Боже, кому я нужна...»

Она осторожно повернула колесико, усиливая резкость.

В этот момент мужчина повернулся и посмотрел прямо на нее.

То есть он, конечно, не на нее смотрел, разглядеть Алену он никак не мог – во-первых, из-за расстояния, а во-вторых, свет в комнате не горел, а днем в неосвещенных окнах разглядеть что-то трудно.

На всякий случай Алена отодвинулась назад и спряталась за штору.

А он все смотрел. «Господи, прямо на мое окно!»

Невольно она вспомнила свой последний разговор с Симой. «Откуда он догадается, в какой квартире ты живешь? Он же не экстрасенс!» – вот что она сказала.

Алене стало совсем не по себе, она едва не выронила подзорную трубу. Выходит, Он догадался ...

Происходящее ничем иным, как только мистикой, не объяснялось.

Он стряхнул снег с плеч и пошел в сторону дома (а не к дороге, как обычно). Алену уже трясло от ужаса – Он двигался явно в направлении подъезда... «Сюда? Зачем он идет сюда? Нет, он идет не ко мне...»

Алена выскочила в коридор, посмотрела на домофон. Он молчал.

Прошло несколько минут.

Алена уже почти успокоилась (войти в подъезд, не позвонив по домофону, было невозможно) и уже собиралась вернуться в комнату, как неожиданно раздался звонок в дверь. Этот звук буквально парализовал ее.

«Это Он... Нет. Не может быть! Господи, это невероятно...»

Алена, находясь в каком-то трансе, распахнула дверь – все же до последнего мгновения не веря в то, что за дверью будет стоять незнакомец из парка. Скорее всего это Семен Владимирович решил заглянуть с инспекцией – как Алена ухаживает за подаренным кактусом...

Но это был Он.

На лестничной площадке стоял мужчина, которого до того Алена разглядывала в подзорную трубу. Снег таял на его пальто, блестел на волосах прозрачными мелкими каплями. У него были зеленовато-карие глаза, розоватый румянец на скулах. Он пах снегом, свежим зимним воздухом – ну да, он же только что с улицы...

Черное длинное пальто было распахнуто, под ним – темно-серый костюм. От мысков блестящих ботинок отваливались крошки таявшего льда...

И, глядя на него, Алена окончательно запуталась – считать его красивым или нет (а суждения на тему мужской красоты вообще субъективны). Теперь, стоя напротив своего незнакомца, она потеряла все оценочные категории...

Впечатление было такое, будто она сильно ударилась головой, только почему-то боль от удара отсутствовала.

– Извините, – сказал мужчина. – Очень глупо с моей стороны, но я не мог удержаться...

– Что?.. – прошептала Алена, продолжая плавать в ином измерении.

– Дело в том, что я здесь жил когда-то.

– Где?..

– Здесь, в этой самой квартире.

– Вы?..

– Да, я здесь жил.

У него был самый обычный, чуть глуховатый голос, но первые мгновения смысл сказанного им ускользал от Алены. А потом – словно кто-то на сеансе гипноза хлопнул у нее перед лицом в ладони, и она разом пришла в себя. Вновь оказалась в этой реальности.

Ничего необъяснимого не было – он жил здесь когда-то, вот потому и пришел.

– И что теперь? – вздрогнув, довольно сурово спросила она.

– Ничего, – пожал он плечами. – Я же говорю – довольно глупо с моей стороны. Просто снова хотел увидеть... – он пошевелил неопределенно пальцами, – ...увидеть это все.

– Зачем?

– Не знаю. Ровно год назад я уехал отсюда, и вот... Ладно, извините. – Он сделал движение назад, но Алена инстинктивно схватила его за руку. Мягкая, чуть влажная ткань пальто...

– Стойте, – сказала она. – Я поняла вас. Проходите.

В зелено-карих глазах мелькнули интерес, удивление.

– Ей-богу, я приличный человек, не бандит, не мошенник... – с улыбкой произнес он. –

Правда можно войти?

– Ну конечно! – энергично подтвердила Алена.

– Спасибо.

Он вошел, медленно оглядел прихожую, словно не понимая, что делать дальше. Алена почувствовала – он теперь сам стесняется своего поступка.

– Раздевайтесь... Нет-нет, ботинки можете не снимать!

– Я могу вам свои документы показать, – сказал он, повесив пальто на вешалку.

– Ох, да перестаньте! – замахала она руками. Покойная Лидия Васильевна, мама Симы, не одобрила бы ее легкомыслия... – Я вас в окно видела. Вы ведь сюда часто приезжаете? – полувопросительно-полуутвердительно произнесла она.

– Да, точно! – снова улыбнулся он. – Тянет сюда.

– Зачем же переехали? – улыбнулась Алена.

– Пришлось... Вы одна тут живете?

– Одна. – Она почему-то сразу же посуровела. – Вообще я тут не живу, я только снимаю эту квартиру.

– А... Да, забыл представиться – меня зовут Роман. Роман Аркадьевич Селетин. – Он привычным жестом протянул Алене визитку.

Она мельком пробежала ее глазами – Роман Аркадьевич Селетин... исполнительный директор... «Стройтехпроминтекс»... столбцы цифр – номера телефонов, факсов и прочего... То, что визитер – исполнительный директор (звучит даже как-то чересчур солидно!), немного шокировало Алену, хотя она с самого начала предполагала, что он не рядовой менеджеришка – как, например, ее братец Костя.

– «Стройтехпром...» – пробормотала она. – Это что?

– Это строительная фирма. Мы дома строим.

– А-а... – многозначительно кивнула она. – Понятно.

– А вас как зовут?

– Алена, – коротко ответила она. – Пожалуйста, проходите, смотрите, ностальгируйте...

Он усмехнулся, ничего не сказал. Первым делом отправился почему-то на кухню.

– Надо же, здесь все по-старому! – воскликнул удивленно. – Вы даже не стали ничего тут менять...

– А чего мне тут менять? Это ж не моя квартира...

Мельком она взглянула на себя в зеркало, висевшее на стене, – серьезная бледная особа с распущенными темными волосами, в темно-зеленом свитере с растянутым воротом, в потертых домашних джинсах. Уж извините, Роман Аркадьевич, мы гостей не звали...

Она вдруг почувствовала некоторое раздражение к этому Роману – за то, что не могла ему понравиться. А в том, что она не может понравиться этому лошеному господину, Алена нисколько не сомневалась. И вообще, почему она должна ему нравиться? С какой стати?! Только в новогодних мелодрамах бывают подобные повороты сюжета...

Он повернул назад, в комнату.

– Ого, рояль! – произнес он весело. – И какой... Старинный, да?

– «Шредер», – коротко ответила Алена.

– Ну, я в этом не разбираюсь... Это вы играете, да?

– Я.

Он оглядел комнату, вздохнул, потом подошел к окну.

– Да, я и забыл, что тут все как на ладони... Не удивляюсь, что вы меня так спокойно впустили.

– Это точно... – Она, сложив руки на груди, встала рядом. За окном продолжал медленно падать снег. – Дивный вид.

– Дивный... – медленно повторил он. – У меня было два варианта – или вид из окна, или квартира в центре.

– А, вы в центр перебрались! – понимающе воскликнула Алена. – Конечно, в центре удобней жить... Я вот на дорогу столько времени трачу! Кстати, а как вы вошли в подъезд?

– У меня ключи, – просто ответил он. – Но вы не бойтесь – только от подъезда ключи...

– Я не боюсь.

Они замолчали, дружно глядя в окно, словно не было ничего интереснее снегопада.

– Так вот, сюда я приезжаю отдохнуть, по старой привычке, – спохватившись, продолжил Роман. – Других мест я не знаю. Дача есть, но до нее далеко добираться, да и вообще, не люблю я дачу...

Он снова замолчал, и Алена поняла – сейчас начнет прощаться. Им больше не о чем было говорить, да и сама ситуация была настолько странной, непонятной, что невольно тяготила их обоих.

– Хотите, я вам сыграю? – неожиданно предложила она.

– На рояле? – Он повернулся к ней.

– Да. Если вы, конечно, не торопитесь.

– Я никуда не тороплюсь! – В его голосе мелькнуло удивление, интерес, даже – радость (если, конечно, Алена правильно его понимала). – Я с удовольствием вас послушаю.

Это была ее стихия – сев за рояль, Алена моментально успокоилась, стала самой собой.

– Шопен. Скерцо, – тоном ведущей произнесла она. Пальцы коснулись клавиш – призывно и ярко прозвучали два аккорда вступления. Алену учили – чтобы достичь подобного эффекта, пальцы должны заранее над клавишами принять позицию этих аккордов... Теперь надо нажать педаль. Мрачное рокотание басов переходило в стремительное движение вверх. Следующий нисходящий каскад восьмых исполнила подчеркнуто ритмично. Сделала короткую паузу. И начала следующую часть скерцо – мечтательную, грустную, которая исполнялась певучим легато, отчего широкий диапазон звучания создавал впечатление пространства, воздуха...

Селетин, стоявший спиной к окну, удивленно смотрел на Алену.

«Надеюсь, господин исполнительный директор выдержит испытание классикой!..» – мелькнула насмешливая мысль.

Селетин выдержал, даже более того – удивление его постепенно перешло уже в изумление, смешанное с восхищением.

– Браво! – произнес он, когда последние ноты шопеновского скерцо растаяли в прозрачном зимнем свете. – Не ожидал...

– Благодарю, – церемонно поклонилась Алена.

– Послушайте, Алена... Вы же профессионал, да? Я угадал?

– Ага! – засмеялась она. – Раньше выступала с концертами.

– Но почему – «раньше»? А сейчас?

– Сейчас я работаю в ресторане, тапером. Развлекаю пьяную публику, как говорит моя подруга... С исполнительской деятельностью я покончила.

– Почему?

– Потому что... Вам это действительно интересно, Рома?

– Да, мне интересно. По-моему, вы талант.

– Вы разбираетесь в музыке? – быстро спросила она.

– Нет. Но такие вещи чувствуются, разве вы не согласны?

– Может быть, – пожалала она плечами. – Впрочем, мне все и всегда говорили, что я талант.

Только мне этого мало.

– Мало? – усмехнулся он. – Можно?

– Да, пожалуйста...

Селетин сел на диван, и Алена на вертящемся стульчике повернулась к нему. Судя по всему, в ближайшие несколько минут господин Селетин уходить не собирался – этот разговор, достаточно пустой, увлек его.

– Талантов много, Рома.

– Но это не повод уходить в таперы!

– Нет, повод! – засмеялась она. – Если я не могу быть лучшей, то пусть тогда буду никем.

Я слишком люблю музыку...

– Ну так старайтесь, занимайтесь больше! – нетерпеливо воскликнул он. – В чем проблема-то?

– Что толку стараться? – пренебрежительно отмахнулась Алена. – С точки зрения техники ко мне претензий быть не может! Но по содержанию... Мне кажется, во мне словно какой-то огонь погас. И потом, надоело ездить с концертами по всей стране. Двадцать пять выступлений в месяц – был у меня такой период в жизни... Музыка вся выветрилась, стала пустой, формальной – хотя, повторяю, с профессиональной точки зрения техника у меня на высоте.

– Все, я понял, – быстро сказал Селетин. – Творческий кризис. Со мной случалось нечто подобное. А потом прошло...

– Много ли творчества в вашем этом «Стройтех...» ну, и так далее? – насмешливо спросила Алена.

– Очень много! Послушайте, не будет ли наглостью, если я попрошу у вас чая?..

– Нет, конечно.

Они перешли на кухню, и там разговор плавно продолжился.

– Вообще я окончил инженерно-строительный институт...

– О-о!.. – Алена сморщила нос, показывая, насколько это далеко от нее, непонятно и сложно.

– Да, чисто мужская специальность! – засмеялся Роман. – Потом работал инженером в тресте. Потом стал начальником участка. Был прорабом. Ну, а далее меня пригласили в мою контору на должность исполнительного директора. Творчества – хоть отбавляй!

Алена тоже засмеялась.

– Я шучу, конечно... Все то, что я делаю, бесконечно далеко от искусства. Вот вы меня восхищаете, – серьезно произнес он.

– Я?

– Да, вы! Я обычные дома строю, а вы...

– А я по клавишам стучу.

– Нет, все гораздо сложнее! – с азартом произнес Аленин гость. – Ведь музыка – это что такое? Ее ведь даже пощупать нельзя!

– Музыкальное произведение живет во времени, – важно, подражая учительскому тону, произнесла Алена. – Каждая прозвучавшая нота акустически безвозвратно исчезает, но в слуховой и эмоциональной памяти она продолжает жить...

– Вот именно! Да, можно еще чаю?..

– Конечно. Печенья?

– И печенья! И вообще, давайте на «ты»?

– Давайте на «ты», – милосердно согласилась Алена. Роман Аркадьевич Селетин вдруг показался ей давним знакомым, заглянувшим на огонек.

– Я вам... то есть я тебе, Алена, кажусь странным, да? – спросил он, вытягивая печенье из бумажного пакета.

– Не особенно, – честно ответила она. – Ты захотел снова взглянуть на то место, где жил когда-то, и ты это сделал. А ведь сколько людей ограничивают себя в подобных желаниях – только из-за боязни показаться окружающим странными!

– Но не все бы пустили незнакомого человека в дом, – возразил Селетин.

– Ты не похож на преступника! – сказала Алена. – Мне кажется, я немного разбираюсь в людях... И вообще, под Новый год что-то происходит с людьми, они становятся мягче. Снисходительней... Но я не люблю зиму.

– Почему?

– Так мало солнца... Я люблю лето.

– Я тоже люблю лето. Лето без дождя...

– А я и дождь люблю! Ночью, когда идет дождь, мне снятся какие-то невероятно правдоподобные сны, – призналась Алена. – Однажды мне приснилось, будто исчезли все люди на земле и я осталась одна. Я проснулась под утро и выглянула в окно – никого. Ни звуков, ни шорохов, какие обычно бывают в доме... И такая на меня тоска напала – ты не можешь себе представить! А потом увидела старуху с таксой – они в соседнем подъезде живут. Старуха выгуливала таксу... И поняла, что жизнь на земле еще осталась!

– Забавно, – усмехнулся Селетин. Потом помолчал, точно не решаясь – сказать или нет, а потом все-таки признался: – А вот мне в последнее время снится один и тот же сон.

– Какой? – с любопытством спросила Алена.

– Тоже невероятно правдоподобный. Мне снится кладбище... К чему бы это?

Алена с удивлением посмотрела на него. Селетин улыбнулся – но совсем невесело.

– Я не умею толковать сны, – покачала головой Алена. – Скорее всего это обычный кошмар. Людям снятся кошмары – когда они устают, когда у них неприятности, когда едят на ночь лишнее...

– Я не ем на ночь! Ладно, не будем об этом... Лучше скажи: что тебе больше всего нравится играть? – встряхнулся, распрямился гость.

– То есть какой композитор мне нравится?.. Я Моцарта люблю – он такой веселый, такой легкий... – призналась она и невольно пробежала пальцами по столу – как по клавишам. – Я его практически всего знаю – что-то лучше, что-то хуже... А вот Прокофьева совсем не могу играть, не могу найти нужного соответствия в характере звука, который заключен в нотах. Скрябин для меня тоже сложен – сколько я ни пыталась разучить его Пятую сонату, у меня ничего не вышло. Кому-то из исполнителей, по-моему, Рихтеру, – не давался Рахманинов, он говорил, что Рахманинов настолько громаден психологически, что он не в состоянии к нему подступиться! Есть нечто неуловимое, непостижимое, что прячется между нот, – может быть, душа музыки?..

– Может быть... Но я тебе говорил – я совершенно ничего не понимаю в ней. Я дикий в этом плане. Как-то пошел на оперу и заснул. Балет... – Роман вдруг поморщился. – Но вот то, как играла ты, мне очень понравилось. Я, знаешь ли, даже еще послушал бы!

– Вот спасибо... – насмешливо сказала Алена. – Ты очень любезен.

– Я серьезно!

– Ладно, пошли, я тебе одну вещичку из Малера сыграю – она коротенькая, тебя не утомит. Дивная мелодия – как будто солнце встает...

Они снова вернулись в комнату. Алена сыграла Селетину эту самую «дивную мелодию». После Селетин сказал, что она себя губит в ресторане и что ей непременно нужно снова выступать с концертами. Потом Алена потребовала, чтобы он в свою очередь объяснил, как строят дома. Селетин объяснил – Алене показалось очень интересным, правда, большую часть его повествования она не поняла...

– Нет, ты мне все-таки расскажи свой сон! – неожиданно попросила она. – Тот, про кладбище...

– Зачем сейчас о мрачном?..

– Нет, ты расскажи! Я люблю все страшное... Фильмы ужасов люблю – чтобы, знаешь, испугаться до смерти! И вообще, сны надо рассказывать – таким образом избавляешься от них.

– Хорошо, – подумав, согласился Селетин. – Представь себе старое-старое кладбище, на котором уже давно никого не хоронят. Кованая ограда, узкая калитка, церковь у входа... Некоторое время идешь по главной аллее, среди лип, пока слева не увидишь каменного ангела с крестом – ангел оплакивает какого-то купца, почившего в незабвенном тысяча девятьсот тринадцатом году. Рядом, словно в насмешку – могила революционера, скромная такая, со звездой. А вот за ней – желтый склеп с ржавой дверью...

– Страшно как! – тихо засмеялась Алена, прижав ладони к щекам. – Ну, а дальше?

– Это все.

– Как, и это весь твой сон?

– Да.

Алена озадаченно свела брови.

– погоди, это что ж получается... Ты заходишь в калитку, потом идешь по аллее – топ-топ! – и оказываешься возле какого-то старинного склепа?

– Именно так, – спокойно сказал Селетин.

– Действительно, жуть! – пробормотала она. – Чем-то мой сон напоминает. В нем тоже все как-то чересчур реально было... Ну, а кто в том склепе или что – ты знаешь?

– Нет, – не сразу ответил гость.

– Тогда все ясно – каждый раз во сне ты пытаешься разгадать какую-то тайну.

– Что?

– Я тебя уверяю! – возбужденно воскликнула Алена. – Я, конечно, не психоаналитик, Фрейда не читала, и вообще... Но это же так просто – ты во сне пытаешься разгадать какую-то тайну, которая мучает тебя наяву!

– Может быть... – пробормотал Селетин. В этот момент у него зазвонил сотовый. – Извини. Алло? – Он замолчал, слушая. – Нет, по срокам мы успеваем... Когда? Михаил Федорович, я в курсе, что праздники десять дней! Мы сейчас электрику делаем... Вы мне лучше скажите: насколько закрыта процентовка?..

Алена отвернулась – ей вдруг стало неловко. За окнами медленно темнело. Она встала, зажгла свет.

– Извини, Алена... Мне пора. – Селетин поднялся с места.

– Да, конечно! Мне тоже пора собираться, – сказала Алена, глядя на часы.

– А, ты в этот, свой клуб?

– Ресторан, – поправила она.

– Я могу подвезти...

– Нет-нет, не стоит! Я сама...

Селетин надел пальто, потом повернулся к Алене.

– Спасибо, – серьезно сказал он.

– За что?

– За все. За чай, за музыку, за разговор.

– Боже, какая ерунда... – отмахнулась она.

– Все равно – спасибо, – твердо повторил он. Посмотрел ей в глаза в последний раз. И ушел.

Алена закрыла за ним дверь, упала на диван. Прижала ладони к пылающим щекам... Только сейчас она поняла, насколько взволновал ее приход незваного гостя. «Нет, все-таки это чудо! Пусть вполне объяснимое, но – чудо! Я столько думала о нем, об этом человеке, и

вот он пришел – точно почувствовал, что я зову его... Разве я звала его? – спросила она саму себя. – Да, звала!»

Потом она стала вспоминать, какое у Селетина лицо: молодое и в то же время – нет, странно меняющееся... «Болтали о какой-то ерунде, точно дети! Рассказали друг другу свои сны... Он милый, простой и очень добрый – это ясно. Кладбище... Зачем он вспомнил про кладбище? У него наверняка какая-то тайна. Или – неприятности, которые каким-то образом трансформировались в это печальное видение...»

Алена прокручивала и прокручивала внутри себя их разговор, вспоминала лицо Романа, как он смотрел на нее, как слушал игру на рояле – всё, до мельчайших подробностей...

Роман Аркадьевич Селетин определенно нравился ей. Даже более того: еще одна встреча, еще один разговор – и она пропала.

Алена очень остро ощущала эту черту, к которой подошла вплотную – один шаг отделял ее от любви, от того, чего она боялась и избегала, что пугало ее и, как только что выяснилось, – неудержимо манило.

Она снова достала его визитку. Вот, в ее руках вереницы цифр, зашифрованные коды – по которым можно Романа найти, вновь услышать его голос. Пожалуйста, звони, если хочешь! Звони и сходи с ума, делай последний шаг, падай в эту пропасть...

«А зачем? Я и так уже пропала, испортила себе жизнь – для чего мне ломать ее окончательно?... Ничего хорошего не выйдет – разве сможет он полюбить меня так, как я его буду любить?... И потом, скорее всего он не один. Такие милые, такие добрые – просто так на дороге не валяются, – с усмешкой подумала Алена. – Наверняка на нем груз ответственности: жена, дети, престарелые родственники, ремонт, работа... Именно поэтому он сбегает сюда, чтобы посидеть полчаса в одиночестве возле замерзшего пруда, отдохнуть от всех забот. И переехал-то он отсюда, возможно, потому, что однокомнатная квартира оказалась маловата для его семьи!»

Алена попыталась вспомнить, было ли на руке Селетина кольцо. Кажется, было... Или нет? Да было, было! – сурово одернула она себя.

Алена медленно принялась рвать визитку – на мелкие-мелкие кусочки, очень тщательно. Рвала и чувствовала, как по щекам бегут крупные жгучие слезы.

«Ничего, зато потом плакать не придется!...»

* * *

Тридцать первого декабря Алена проснулась рано – в прекрасном настроении, гордая своим вчерашним поступком. Сбегала к Семену Владимировичу, отдала ему подозрительную трубу – несмотря на то, что старик заартачился и не хотел брать свою оптику обратно.

Потом Алена позвонила Симе – и очень душевно побеседовала с ней о том, где можно купить приличные зимние сапоги и насколько глубока разница между духами и туалетной водой. О визите Романа Селетина, того самого незнакомца из парка, она сознательно не стала упоминать, как будто ничего и не было.

– Я, Аленушка, наверное, не смогу к тебе сегодня зайти, – под конец спохватилась Сима. – У меня срочный заказ – придется все праздники над ним сидеть...

– Ничего-ничего! – бодро воскликнула Алена. – У меня, знаешь ли, тоже куча дел. Костя вот обещал заглянуть...

Про Костю она соврала, конечно. Просто не хотела, чтобы Сима стала ее жалеть. Можно было поехать к родителям (всего-то четыре часа на электричке!), но стоило Алене вспомнить толпу дядюшек, тетюшек, кузенов и кузин, неизменно собирающихся в их семейном гнезде под Новый год, их вечные расспросы и неизменный салат «оливье» под самогон, который гнала бездетная тетя Анфиса, – как она тут же передумала.

Алена оделась и отправилась в ближайший супермаркет, который, надо сказать, был совсем не близко (три остановки на автобусе). Купила бутылку шампанского, килограмм мандаринов и кусок севрюги в вакуумной упаковке – таким она видела свой нынешний новогодний стол.

Обратно Алена пошла пешком.

Хоть солнце надежно затянуло плотной пеленой, но было как-то нестерпимо светло, от снега на обочинах даже резало глаза. Алена старательно сохраняла в себе бодрость духа и даже принялась напевать что-то под нос, скользя по заледеневшему тротуару и щурясь.

– Алена!

Она вздрогнула и чуть не упала. Этот голос забыть невозможно, хотя Алена была уверена, что давным-давно сумела его забыть...

У подъезда ее дома стоял Борис.

Борис Бугров, ее первая любовь!

– Боря! – удивленно воскликнула Алена. – Как ты меня нашел?

– Элементарно, – ответил Борис. – Серафима дала твой адрес. Она, слава богу, никуда не переезжала.

– Боря...

«Сколько же мы не виделись? – мелькнула мысль. – Лет пятнадцать? Нет, тринадцать, двенадцать – не меньше... Господи, как быстро время летит!»

Алена подошла к нему, с неуверенной улыбкой взглядела в его лицо. Борис Бугров, кажется, был все такой же – плакатный красавец с синими ясными глазами и набегавшей на высокий лоб прядью волос. В дубленке, имитирующей полушубок советских времен, зимней кепке... Борис притоптывал ногами – значит, довольно долго ждал Алену.

– А Серафима сказала, что ты дома!

– Я дома, просто в магазин пришлось заглянуть. Холодно, идем ко мне, Боря...

Когда Бугров разделся у нее в квартире, Алена с сожалением заметила лысину, которая до того была спрятана кепкой.

– Что, я постарел?

– Ни капельки! – милосердно ответила она, вдруг, ко всему прочему, обнаружив, что Борис из атлетического красавца превратился в просто «мужчину плотного телосложения». По крайней мере, этого пивного брюшка у него раньше не было.

– Ты тоже, – вздохнул он. – Хотя вру – ты стала еще лучше. Серафима сказала, что ты больше не концертируешь?

– Да, бросила... – легко согласилась она. – Надоело. А ты что делаешь?

– Я в одной фирме работаю, спец по рекламе... – рассеянно ответил он. – Ты одна?

– Да.

– Развелась, значит... – глубокомысленно констатировал он.

– Ну, официально еще нет. Надо как-нибудь заняться этим в свободное время. Чай будешь?

– Кофе, если можно.

– У меня только растворимый.

– Ничего, пусть будет растворимый...

Он прошел за ней на кухню, огляделся.

– Ничего так квартирка... Съемная? Сколько за нее платишь?

– Секрет фирмы... – отмахнулась Алена, расставляя чашки. – Как там Калерия Львовна? Работает? Сколько ей сейчас, я забыла?..

– У мамы все в порядке, до сих пор работает, хотя могла бы уйти на пенсию. Ей пятьдесят семь. Ты бы зашла к нам, что ли...

От неожиданности Алена едва не выронила банку с кофе.

– Что?

– Я говорю – зашла бы к нам, что ли. Мама о тебе вспоминала...

Алена села напротив Бориса, посмотрела в его ясные синие глаза.

– Калерия Львовна обо мне вспоминала? – медленно повторила она. – Господи, Боря, не смеди меня!

– Я серьезно! – Борис даже как будто немного обиделся. – Она, знаешь ли, тут недавно заявила, что ты была единственной женщиной, которую она хотела бы видеть своей невесткой.

Алена сначала онемела на некоторое время, а потом принялась безудержно хохотать. Калерия Львовна хотела видеть ее своей невесткой!..

– Алена... – Борис взял ее за руку. – Алена, перестань. Все в этом мире меняется... Мама тоже изменилась.

– А ты? – неожиданно спросила Алена, с трудом успокоившись.

– Я тоже изменился, – тихо произнес Борис, не выпуская ее руки. – Правда – так и не смог забыть тебя. Знаешь, я тоже думаю, что ты – это самое лучшее, что было в моей жизни.

– Потому и пришел? – тоже тихо спросила она.

– Ага. Такой день... – Он поднес ее ладонь к губам, нежно поцеловал. Борис Бугров всегда отличался исключительной нежностью. Когда-то Алена плавилась в его объятиях, точно воск. Или как масло на раскаленной сковородке...

– Боря... – с тоской пробормотала она, не понимая, заплакать ей или снова начать смеяться.

– Молчи, пожалуйста, ничего не говори пока! Я... Господи, если бы ты знала, как я бездарно прожил эти годы, бездарно и глупо... Два раза был женат. Одна – стерва, дрянь, ни стыда, ни совести – ушла к моему другу, Вовке Козлову... Ты ведь помнишь его?

– Немного, – выдавила из себя Алена.

– А вторая, Олеся, поначалу казалась таким ангелом – сама невинность! Мама была от нее в восторге: «Олесенька, профессорская дочка, московская принцесса, ангел, святая, иже херувимы...» – передразнил он с горечью. – Дочку мне родила, тоже Олесей назвали.

– И что?..

– Ангел переродился в демона. Женщина сухая, жесткая, жестокая, властная, не терпящая никаких возражений, иначе – смерть! Вот какой оказалась моя Олеся... С дочерью не дает встречаться – ни мне, ни маме, квартиру пыталась отсудить, но тут уж мама прибегла к своим связям, ничего у женошки не получилось. Теперь мы с ней судимся, чтобы хоть иногда была возможность видеть малышку!

– Ужасно...

Борис залпом выпил кофе.

– Я дорого заплатил за свою ошибку, – продолжил он с новыми силами. – Расстался с тобой, боясь каких-то жалких трудностей... Если бы можно было вернуть все назад! А ты была так бескорытна, чиста, отважна... Ты бы никогда со мной не поступила подобным образом!

– Что уж теперь вспоминать! – Алена попыталась улыбнуться. История Бориса ее взволновала. – Сколько девочке?

– Четыре годика... Она меня уже тоже ненавидит, понимаешь?..

– Ужасно, – мрачно повторила Алена. – Мне очень жаль тебя, Боря. Тебя и твою дочь.

Борис заморгал быстро-быстро, а потом опять схватил Алену за руку.

– Послушай... Мы ведь можем все исправить, да?.. Ты одна, я тоже один. И мама теперь смотрит на жизнь по-другому! Ты веришь в чудеса? – с подъемом воскликнул он. – Я этим утром проснулся и понял – мне нужна ты. Только ты. Собирайся...

– Куда? – опешила Алена.

– Ко мне, куда же еще! – засмеялся Борис. – Мама ждет, столько всего наготовила...

На Алёну напала тоска – ко всему прочему, ей стало жаль и Калерию Львовну, своего давнего недруга.

– Боря... – нахмурилась Алёна. – Я... я даже не знаю, что мне делать.

– Господи, ты ещё сомневаешься! – Борис вдруг вскочил, обнял её, принялся лихорадочно целовать – в нос, в глаза, в уши, куда попало – поскольку Алёна инстинктивно начала отворачиваться от него. Такого напора она никак не ожидала.

– Боря... – пискнула она, но Борис её не слышал. Он держал её крепко, от его губ невозможно было спрятаться.

– Милая... самая хорошая... солнышко...

В этот момент раздалась трель домофона.

– Кто это? – быстро спросил Борис, замерев.

– Не знаю... – Алёна наконец вырвалась из его объятий.

– Ты ждёшь кого-то?

– Никого я не жду! Симка, может быть, или Костя... – Алёна выбежала в коридор и сняла трубку переговорного устройства. Борис незамедлительно последовал за ней. – Кто там?

В трубке гудела объёмная тишина.

– Кто? – шепотом спросил Борис.

– Неизвестно! – тоже шепотом ответила Алёна. – Наверное, мальчишки балуются... Кто там? – снова громко спросила она.

– Алёна, это я, – отозвалась трубка голосом, который тоже невозможно было забыть. – Открой мне, пожалуйста.

Алёна машинально нажала на кнопку, открывающую внизу дверь.

– Ну, кто это? – нетерпеливо спросил Борис.

– Алёша... – упавшим голосом произнесла она.

– Алёша?

– Ну да, мой муж... Бывший то есть.

Борис моментально подобрался.

– Что ему надо? – строго спросил он.

– Откуда я знаю! – закричала Алёна. – Наверное, насчет развода пришел поговорить... Боря, я тебя прошу – посиди пока на кухне, а? Я с ним быстренько разберусь.

– Понял. Если что, то я...

– Я сама, я сама с ним разберусь! – Алёна чуть ли не силой затолкала Бориса обратно на кухню.

Через минуту в дверь вошел Алёша. Они не виделись год, а разговаривали в последний раз весной, уже и не вспомнить, по какому поводу...

– Привет! – сказала Алёна, изо всех сил стараясь выглядеть естественно.

– Привет, – тихо ответил муж, почти бывший. Быстро разделся у вешалки, прошел в комнату – в джинсах и свитере, которые Алёна помнила еще по прошлой с ним жизни. – Вот ты как, значит, тут живешь... О, старый знакомый! – увидел он рояль. Потом повернулся к Алёне.

Алёша, он же Алексей Алексеевич Голубев, тридцати трех лет (на год младше её), выглядел точно так же, как и год назад. На миг Алёне даже показалось, что они и не расставались... Пепельного оттенка мягкие волосы, довольно длинные, заложены за уши, внимательный взгляд светло-карих глаз, маленькая родинка на щеке – это был он, её муж.

– Алёна... Вот что, Алёна, нам с тобой надо очень серьезно поговорить.

– Да, Лёша? – терпеливо отозвалась она.

– Я дурак, – сказал он. – Ты знала, что я дурак?

– Почему ты так говоришь?

Алеша нервно засмеялся, потом подошел к окну – начинались сумерки, лиловые тени бежали по снегу. И – никого, кроме старухи с таксой. Наверное, весь остальной народ усиленно готовился к Новому году...

– Прекрасный вид. Послушай... – Он постучал ногтями по стеклу и спросил, не поворачиваясь: – ...Послушай, ты меня еще любишь?

Алена молчала.

– Алена!

«В самом деле, люблю ли я его? – подумала она. – И почему он спрашивает? Неужели тоже, как и Боря, мечтает вернуть прошлое? Вот дела...»

– Не хочешь отвечать? Что ж, я тебя понимаю... – неловко засмеялся тот. – А вот я тебя люблю. До сих пор люблю.

– Любишь? – растерянно переспросила она, чувствуя в горле комок. – Но это жестоко... Жестоко вот так прийти – год спустя – и говорить об этом!

– Понимаю. Но тогда наш брак переживал переходный период.

– У тебя ведь есть женщина? – тихо спросила Алена. – Ты к ней ушел, да? Вы с ней теперь поссорились?

Алеша помолчал.

– Ладно... Если я сейчас совру, будет только хуже, – мрачно произнес он. – Да, была женщина. Увлёкся. Но теперь с этим покончено.

До этого момента Алена могла только предполагать о существовании у нее соперницы, но признание Алеша ее поразило, хотя ничего неожиданного в нем не было. В самом деле, не расходятся же люди только потому, что «не сошлись характерами»!

– Как ты мог... – прошептала она. – Нет, ну надо же!

– Алена, прости.

– Как ты мог...

– Алена!

Кажется, она ударила его. Или, может быть, только хотела?.. В эти мгновения Алена мало что понимала – ревность, запоздалая ревность охватила ее.

– Ты... Ты знаешь кто?!

– Знаю. – Алеша схватил ее за руки. – Знаю, я скотина. Но я тебе честно во всем признался, я собираюсь все исправить...

– Да поздно, понимаешь, поздно! – закричала она, пытаясь вырваться.

– Ничего не поздно...

– Нет!.. Все разбито, сломано, изуродовано, растоптано... Ты убил меня!

Они кричали и бегали вокруг друг друга, но в самый апогей их схватки в комнату неожиданно ворвался Борис:

– Алена, я здесь! Что он от тебя хочет?.. Эй, товарищ, потише на поворотах...

Алеша остолбенел.

Широко раскрыв глаза, он смотрел на Бориса и молчал.

Алена отскочила в другой угол комнаты и принялась поправлять свитер, потом дрожащими руками стала закалывать на затылке волосы – ничего не получилось, заколка упала на пол...

– Кто это? – с недоумением и ужасом спросил Алеша. – Алена, кто этот человек? Ты ничего не сказала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.